

тотранспортних засобів – на 85%; коксу – на 44,8%, видобутку кам'яного та бурого вугілля – на 57,9%.

Таким чином, визначено, що втрати промисловості України від російсько-українського воєнного конфлікту становлять приблизно 4 млрд дол. експорту, десятки мільйонів гривень ВВП, декілька тисяч зруйнованих промислових підприємств. Постраждала соціальна інфраструктура.

Учасники зустрічі зазначили, що важливою складовою конфлікту є відсутність однозначних правил відносно економічних стосунків з окупованою територією. Відтак прогнози подальшого розвитку не лише промисловості, а й інших галузей Національної економіки є, поки що, негативними.

Для вирішення окреслених проблем в процесі роботи було запропоновано постконфліктну багатовекторну модель економічного розвитку, яка б дозволить оцінити перспективність різних напрямів зовнішньоекономічних відносин і стратегічного партнерства України.

Для досягнення поставлених цілей необхідно:

- провести аналіз зовнішнього та внутрішнього економічного середовища з точки зору розвитку України;

- визначити основні принципи формування постконфліктної багатовекторної моделі економічного розвитку.

В межах аналізу зовнішнього економічного середовища необхідно: проаналізувати економічні відносини України, обґрунтувати перспективи їх розвитку, спрогнозувати глобальні напрямки економічних відносин та їх локальні прояви, провести аналіз перспектив взаємовідносин України з різними глобальними партнерами, визначити нових глобальних економічних

партнерів, сформувати перелік унікальних взаємовигідних можливостей для економіки України та нових стратегічних економічних партнерів.

В межах аналізу внутрішнього економічного середовища доцільно провести оцінку впливу російсько-українського конфлікту на промисловість України і на фінансово-економічну сферу загалом, а також визначити інституційні проблеми, що перешкоджають економічному розвитку України.

При визначенні основних принципів формування постконфліктної багатовекторної моделі економічного розвитку необхідно обґрунтувати методологію моделювання диверсифікації зовнішньоекономічних взаємовідносин України і розробити економіко-математичну модель диверсифікації зовнішньоекономічних взаємовідносин, що дозволить сформувати багатовекторну модель економічного розвитку України.

На кінець, наукові волонтери намірені реалізувати інституційні засади формування економічної Конституції України, яка регламентуватиме виробничі взаємовідносини та дозволить посилити контроль та відповідальність за ефективне використання всіх видів ресурсів, протистоятиме проявам корупції, хабарництва, інших фінансово-економічних зловживань.

В регіональному відношенні, в протигагу російській провокаційно-диверсійній федералізації, запропонувати повний регіональний господарський розрахунок, наукові розробки якого сьогодні пропонуються рядом учених АЕНУ.

На засіданні було прийнято одностайне рішення продовжити та розширити науковий волонтерський рух, результати подальших досліджень з піднятої проблематики опублікувати у циклах статей та монографій.

Ів. Ан.Ті. Сталкер
м. Хацанетівка

РОЛЬ ТА МІСЦЕ ВОЛОНТЕРІВ В СУЧАСНІЙ «ГІБРИДНІЙ ВІЙНІ»

Українська душа, ув'язнена в російських формах...Україна в мені росла дуже повільно. Юнаком я сперечався з ровесниками, які намагалися довести мені, що українська література нудна, українське мистецтво примітивне і що кіно поділяється на добре, погане та кіностудію Довженка. Аргументи я мав слабкі. За винятком, звісно, автора Тараса Бульби. «Але він писав російською!» – казали мені розумні однолітки. І тоді в мене не лишилося аргументів. Насправді, тепер я розумію, що мова – не аргумент. Головне не те, якою мовою ти пишеш, а над якими книжками плачеш.

А. Цапленко «Книга змін»

Наша Батьківщина народжувалась у болю та страху, і більшою мірою у страху. Холодному, як гусениці нерухомого танка. Я все це згадую, і в мене виникає цілком ірраціональне відчуття, що війну визначило все наше життя, вся наша офіційна історія, брехлива та плаксива, як розповідь повії. І вся наша неофіційна історія, гучна та сумбурна, як передсмертні крики жертв інквізиції. Як вірш про сине вино на морозній площі. Якби Харон був волонтером, він змінив би свій човен на рефріжератор. Отака наша війна.

А. Цапленко «Книга змін»

«Потрійне інтерв'ю «День» провів нещодавно з бійцем Олександром Мартиненком (позивний «Алекс»), сценаристом-режисером та в минулому журналістом Марією Старожицькою і психологом

Катериною Фастовець. Усі вони причетні до незвичного волонтерського проекту – «По війні». На замовлення Асоціації народних волонтерів команда творчих людей спільно з бійцями відзняла соціальні

ролики про адаптацію військових у мирне життя. Нині готовими до використання є два відеосюжети, тривалістю в середньому по півтори хвилини. Один з них розповідає про проблему пияцтва хлопців, яким складно повернутися в мирне русло, а проблемами волюють ховати у чарку. Інший – про жажливі сни, які не відпускають бійців у домашньому житті, змушують повертатись на війну і переживати ті жахиття знову і знову... Героями обох роликів стали військові, з якими творча команда знайома давно. Приміром, дружба Марії та Алекса почалась ще з навчання чоловіка у військовій частині у Нових Петрівцях. Марія як волонтерка підтримувала бійців, збирала необхідні речі, бачила повернення Алекса додому, його реабілітацію після поранення під Попасною. Тому шукали героїв для соціальних роликів серед «своїх». Готові соціальні ролики вже взяла собі на опрацювання Нацгвардія.

Зустрілись на вулиці Інститутській, тій частині що не перейменована на алею Героїв Небесної Сотні. Олександр у цивільному одязі, до речі, коли домовлялися про зустріч, чоловік уточнив, чи не важливою для нас є саме його військова форма. Уже під час розмови Марія пояснила, що для багатьох вояк, у тому числі й для Алекса, камуфляж створює відчуття інопланетянина на чужій планеті. Нам Олександр розповів, що був добровольцем у батальйоні «Донбас», до війни мав власну справу в Чернігові. За словами чоловіка, экс-президент Янукович допоміг розвалити його бізнес. Потім був Майдан. Став членом однієї з політичних партій. Зараз теж бачить себе в політичній кар'єрі. «Закінчились вибори, і я пішов на фронт, у «Донбас», це був на той час єдиний батальйон на Київщині. Зараз я тут, у мене поранення, це було в Попасній наприкінці літа, ще до Іловайська. У мене ще залишились осколки в носі, треба їх видаляти. Реабілітацію я вже пройшов, зараз думаю, що з цими осколками робити, бо заважають. Буду консультуватись, мабуть, у приватній клініці. Бо потрібен магніт спеціальний, щоб витягти мідні осколки», – розповідає Алекс. Повернутись на фронт він готовий, до речі, незважаючи на поранення, чоловіка визнали придатним для служби. У мирному житті Алекс продовжує підтримувати побратимів. Шукає для них тепловізори, на час зустрічі розповідав, що, хоч як це дивно, гарячою потребою є форма для розвідників. На складах військових частин вона є, але чомусь хлопці ходять у волонтерській. Олександр не сприймає своїх кінопроб як щось видатне, більше акцентує увагу на значимості цих роликів для суспільства. «Я не запитував бійців, як їх сприймають, вони радше для мирного населення, щоб усі розуміли, що існує багато проблем після демобілізації, щоб не говорити про це порожніми словами, то треба показати це на телебаченні чи в кіно перед сеансами. В армію ти втягуєшся дуже сильно, вийти з цього стану дуже важко. Хоч би що я робив, мене весь час тягне на війну. Бо ти почав добру справу, але не закінчив. Може, тому, що війна ще досі триває. Дуже багато демобілізованих хлопців повертається на війну знову, багато друзів та побратимів загинуло, за них треба далі боротись, мотивація дуже сильна», – аргументує боєць.

СІМ СЮЖЕТІВ ІЗ ВІЙНИ. У задумі творчої команди ще сім роликів, сценарії до них Марія Ста-

рожицька готує разом із донькою, котра є режисером. Також у волонтерській кінематографічній команді оператор Вікентій Клаунінг, консультант Олег Чорний, режисери монтажу Андрій Коротаєвський та Рубен Петросов, продюсер Ксенія Юшкова. Якщо перші ролики знімали абсолютно безкоштовно, то для наступних, а в задумці їх має бути ще сім, треба кошти на оренду нового знімального майданчика та деякі технічні моменти. «Найближчий ролик хочемо зняти про те, як родина сприймає того, хто повернувся, це проблема неприйняття дружинами чоловіків, неможливість їх повернутись у сім'ю, бути знову чоловіком та батьком, відділвшись від війни. Із цією проблемою стикається багато сімей. Треба, щоб людина замислилась над тим, що її повернення – це і її справа, і в цьому є підтримка, дружина вміла чекати на відстані і зуміє почекати й зараз», – пояснює Марія. Чому цей проєкт повинен був з'явитись, за словами сценаристки, підказала сама ситуація. Поки йшли Інститутською в бік урядового кварталу, Марія згадувала, що після повернення з війни хлопці були в якомусь дивному стані. Щоб краще зрозуміти причини й чим допомогти, жінка вивчала для себе матеріали про афганський та посттравматичний синдром. Тепер знає, що для воїнів Другої світової було морально легше все пережити, бо вони повернулися визволителями. Афганці ж, навпаки, не могли знайти виправдання своєї участі у несправедливій війні. «Ці жажливі сни, флешбеки, коли бійці взагалі не сплять по кілька днів, доводять до того, що єдиний спосіб знімати це напруження – це випивка. Були знайомі, які давали обіцянки не пити, але чергова зустріч, черговий похорон побратима, і все починалося знову, – пояснює Марія тему проєкту. – Немає розуміння в суспільстві, що ці люди могли віддати життя, віддали здоров'я, нерви заради того, щоб тут був мир». Проєкт «По війні» має спрацювати на просту мету – щоб життя стало таким, як раніше. Проте ця межа надто тонка, бо включається механізм психологічного захисту організму, який не дає її здолати швидко й безболісно, пояснила психолог Катерина Фастовець. Вона працює у громадській організації «Психологічна кризова служба», спілкується з бійцями на етапі підготовки до війни і безпосередньо на передовій. За словами Катерини, непростими є перші три місяці після повернення з війни. А хорошим виходом із ситуації є включення в активне життя, особливо тих добровольців, які мали для війни сильну мотивацію та громадську позицію. «Складнощі викликає реакція на певні шуми в мирному житті, це не постріл чи вибух, але психіка реагує на них ще за інерцією. Труднощі виникають у тих бійців, які не пережили втрату товаришів. Так чи інакше, вони ставлять питання – чи так я вчинив, у декого є почуття провини. До завершення першого місяця більшість реакцій полишають людину, і вона може включитись в активну діяльність – просто певні навички, потрібні для війни, вщухають, а в кого були сильні емоційні переживання, тим складніше. Але не всі переживають посттравматичний синдром. До групи ризику належать ті, хто зловживає алкоголем одразу після повернення», – додає психолог. За словами Марії Старожицької, відзняті ролики допомагають і психологам візуалізувати проблеми бійців. Але най-

більше роботи лягає на плечі всього суспільства. «Раніше до людей у камуфляжі радо зверталися, щоб сказати їм добре слово, посміхнутись, подарувати квітку, зараз цього вже немає. Люди проходять повз бійців, наче не помічаючи», — каже Старожичька. Над цією проблемою треба працювати» [5].

Волонтери общественной организации «Берегині Таврії» из Бердянска Запорожской области придумали, как разнообразить меню военнослужащих украинской армии. С недавних пор солдатам на передовую бердянские волонтеры отправляют пакетики с полуфабрикатом уникальной «Азовской ухи».

«— Раньше мы, как и волонтеры Запорожья, Тернополя, Львова, Днепрпетровска и других городов, изготавливали для бойцов сухие борщи, — рассказывает «ФАКТМ» руководитель некоммерческой благотворительной организации «Берегині Таврії» **Ольга Коник**. — Но у нас они самые вкусные. И это не хвастовство, а реальный факт, потому что южные овощи очень ароматные. Вдобавок там и чеснок, и лук, и перчик — запах такой, что через пластиковые упаковки и закрытый ящик пробивается! Тысячи две пакетов борща уже отправлены на фронт. А сейчас для оптимизации питания бойцов мы первыми в Украине наладили производство концентратов ухи. Это более трудоемкий и очень ответственный процесс, потому что даже слегка испорченная рыба опасна для жизни. Не случайно мы предварительно консультировались с высококлассными технологами общественного питания. Для ухи используем наши знаменитые азовские бычки. Вот сегодня утром я купила на рынке не просто свежую, а еще прыгающую рыбу! Ее обрабатываем, очищаем от внутренностей, просаливаем, вялим, измельчаем, потом в определенной пропорции добавляем сушеные овощи и специи. Так и получается уха. Картошку бойцы в бульоне варят отдельно. Очень хочется, чтобы наши ребята получали разнообразное питание. Побывав в разных батальонах, я как врач заметила, что у ребят зубы страдают от неполноценного питания — не хватает фосфора, кальция. — **Откуда вы берете овощи на концентраты?** — Помогают бердянцы-патриоты. Несколько раз выручали учащиеся 11-й школы: там под руководством завуча Татьяны Геннадьевны объявили сбор продуктов для наших борщей. Однажды я вышла во двор встречать от школьников передачу и ахнула: дети нагрузили овощами полную машину с прицепом!

Волонтерской работе Ольга Ефимовна посвящает максимум своих сил и времени. Ведь зачастую, если на передовую надо отправить еду, одежду, технические средства и медикаменты, то на сбор всего необходимого у «берегинь» остается несколько часов. Женщина объясняет, что вокруг нее сплотились надежные волонтеры: люди разного достатка, возраста и профессий, а также добровольные помощники, в том числе переселенцы и беженцы из Донецкой и Луганской областей, прихожане церкви разных конфессий.

— Среди них есть очень самоотверженные и в то же время скромные люди, — продолжает Ольга Коник. — Ирина Петровна Хоминская, например, каждые четыре дня по какому-то удивительно вкусному рецепту готовит сало для бойцов. Она покупает его на свою пенсию, солит, а затем фасует в пластиковые стаканчики (такие выпускают для пива)

и на каждом пишет «Наркотик для укропов». Ребята на передовой в первую очередь спрашивают: «А «наркотик» есть?» Я очень благодарна нашим двум водителям-волонтерам, настоящим патриотам, которые готовы в любое время поехать в горячие точки. Фамилии их называть не буду, скажу только, что обоих зовут Сергеем».

— **Как появилась ваша организация?**

— «Берегині Таврії» возникли в октябре прошлого года, но работать мы начали гораздо раньше. Дело в том, что в феврале 2014 года я в качестве хирурга месяц была на Майдане. Заодно помогала раненым, находившимся в церкви на улице Лютеранской, близ Крещатика. Так у меня появилось много новых друзей. Встретилась я и со старыми знакомыми, ведь 20 лет жила в Киеве, на той же Лютеранской. Когда началась АТО, мне в Бердянск позвонили соратники и попросили, чтобы я помогла отправляющимся в наш регион автомайдаповцам. Тогда еще не было батальонов, сотни Самообороны уходили с Майдана прямо на передовую.

Соратники по Майдану обращались за помощью к Ольге Коник и минувшим летом, а в сентябре сообщили, что направляются с гуманитарной миссией в прифронтовую зону к военным и детям. Она кликнула клич друзьям-знакомым и в короткий срок полкомнаты были заполнены принесенными добрыми людьми вещами. Все это волонтеры доставили в детские дома Мариуполя, где находились ребятишки, эвакуированные из пострадавших от обстрелов населенных пунктов. Следующую партию гуманитарного груза Ольга Ефимовна отвезла уже самостоятельно.

— Сначала я развозила вещи и продукты неподалеку, потом и на передовую — в Сартану, Талаковку, Павлополь, — продолжает собеседница. — У нас образовалось два направления оказания помощи: для бойцов и детских домов. Мы и по сей день продолжаем помогать интернатам Мариуполя, в том числе центру «Республика Пилигрим», приюту на попечении церкви «Обновление».

Ездим мы и в куйбышевский госпиталь, привозим раненым медикаменты, белье, одежду. А на передовой стараемся поддерживать те подразделения, которые меньше всего обеспечиваются. Например, бойцам из «Правого сектора», которых совершенно не снабжало государство, передавали газовые плиты и холодильники для столовой, рации. Очень серьезно помогаем инженерно-техническим батальонам в различных точках АТО. Поле нашей деятельности все время расширяется. Вот, допустим, приезжают в отпуск бойцы-бердянцы, обращаются к нам. Как же им не помочь? Когда ребята дней через десять отправляются на фронт, мы стараемся все их нужды удовлетворить.

Зимой передавали на фронт теплую обувь, свитера, куртки. А сейчас заказываем летнюю форму, как всегда, нужно много носков и белья. Но главным образом военные нуждаются в технических средствах. Недавно для подшефных батальонов привезли важные вещи — благодаря одному из предпринимателей приобрели аккумуляторы и карбюраторы к тяжелой спецтехнике. В таких случаях у нас вся надежда на состоятельных людей, которые могут оплатить счета по заявкам бойцов, ведь небогатое население приносит в основном продукты и консервацию.

А ще «Берегині Таврії» собирают медичинські аптечки, вміст яких узгоджено з солдатами. Там ліки на всі випадки життя: від простуди, розладу шлунка, знеболюючі та кровообіг покращуючі препарати, бинти, жгути... Медикаментами із-за кордону допомагають київські друзі-майданівці. Кожна аптечка коштує приблизно в 600 гривень. С передової волонтери повертаються в приподнятому настрої: допомогли! А іноді навіть з «сюрпризами». Так, хлопці із «Правого сектора», оборонявши Широкино, передали в мирний тил залишених безпризорними та загублених під вибухами... кілька кіз з козлятами. При цьому пошутили: хоча за твердженнями російської пропаганди «правосекі їдять малюків», але порізати брошених стражданих тварин у них рука не піднялася.

В Одесі волонтери «Кулінарної сотні Далиї Северин» розробили рецептуру солодощів для бійців на передовій – поживного та енергетично цінного батончика, який допоможе відновити сили нашим воїнам в час несе́ння служби. За словами Далиї Северин, виріб отримав назву «батончик для розвідників». В його склад входять горіхи, карамель, спеціальне тісто. Інші інгредієнти поки не розкриваються. Виріб поживний, смачний, містить достатню кількість білка. Узнавши про потреби бійців в таких батончиках, волонтери спочатку відправили на передову ящик «Снікерсов», але несподівано від солдат поступила прохання більше їх не присылать. Потім з'ясувалося, що батончики були російського виробництва. Тоді волонтери вирішили самі виготовити солодощі.

«Партия сладостей уже отправлена в зону АТО, – говорить Далия Северин. – Первыми их получат батальон «Луганск-1» и 72-я бригада, в составе которой служат мобилизованные одесситы. На обертке каждого батончика волонтеры прикрепили записку с пожеланиями, например: «Держись, воин!» или «Украина с тобой» [2]. Автор рецепта волонтер Арина Святецкая помітила: кондитерське виріб важить до 120 грамів, в 100 грамах – 540 ккалорій. При цьому чоловікам на фронті необхідно не менше трьох тисяч ккалорій в сутки. Термін зберігання – до трьох місяців. Однак плюс одеських батончиків не тільки в калорійності. Не менш важливо, що вони дуже смачні. І в цьому вже переконані поранені бійці, проходячі курс лікування в Воєнно-медичинському клінічному центрі Південного регіону, які спочатку спробували кондитерську новинку. Тим часом батончиками зацікавилися по всій Україні, звонять волонтери з різних міст, щоб організувати їх виробництво. Авторів «батончиків для розвідників» збираються вдосконалювати рецепт і офіційно запатентувати його. Волонтери додали, що в найближчі дні в Одесі відбудеться майстер-клас з виготовлення такого солодощів. Вони акцентували: *«Це не тільки калорії, а і підтримка – від серця к сердцю, від душі к душі».* «Кулінарна сотня» вже в один місяць готує всілякі солодощі та набори для хлопців, які захищають Україну. Це сухі борщі, фрукти та інша їда, яка добре зберігається, легка та зручна для приготування в польових умовах.

Менше радужна перспектива у другого наука, розробленого хіміком-біологом Леонідом Станіславським, – унікального препарату «Стерильний АБ». З його допомогою можна обеззаражувати воду, дезінфікувати та обробляти рани, стерилізувати будь-які поверхні. Він став просто незамінним для бійців АТО. Станіславський уже передав більше 35 тисяч флаконів цього засобу добровільним батальонам «Миротворець», «Азов», «Донбас», а також в підрозділи Національної гвардії та Збройних Сил України. Препарат успішно використовували в госпіталях та на передовій. Є реальні позитивні відгуки про результати клінічних та лабораторних досліджень. *«Ми в Іловайському депо пили воду навіть із гідроаккумулятора, додаючи туди „Стерильний“, – і не мали ніяких проблем»*, – розповідали бійці батальона «Миротворець». Вартість однієї баночки «Стерильний» – порядку 12 гривень. Більшу частину засобів на виготовлення препарату підприємстві знайшли самі, крім того їм допомогли одеські волонтери. Однак на сьогоднішній день грошей не вистачило навіть на оренду приміщення, в якому виготовляли «Стерильний», а із зони АТО продовжують надходити замовлення на багатофункціональний препарат. За словами винахідника, він уже витратив всі особисті заощадження, неодноразово звертався до влади з проханням про допомогу, але справа не рухнулася до кінця. *«Бюрократическа система не дозволяє офіційно закупити препарат для потреб військових, – розводить руками Леонід Станіславський. – Поки що «Стерильний» не включений в обов'язковий список аптечки солдата» [2].*

«Біля входу до бібліотеки, як символ війни, стоїть розбита осколками машина, в якій волонтери доправляють на фронт гуманітарну допомогу. Так символічно починається експозиція в Дніпропетровській центральній міській бібліотеці під назвою «На лінії вогню». Вона відкрилася тут з ініціативи волонтерів і є добродійною. Тут представлені світліни і експонати із зони АТО, що розповідають про драматичні події на сході України. «Ми хочемо, аби люди усвідомлювали, що війна триває в їхній рідній країні і що там, на Донбасі, хлопці жертвують життями, аби тут, у Дніпропетровську, ми спокійно жили», – сказав на прес-конференції Олег Биков, волонтер громадської організації «Армія SOS». Організація діє у низці міст України, має своїх прихильників серед української діаспори за кордоном. З січня цього року її відділення діє і в Дніпропетровську. Активістами «Армії SOS» здебільшого є студенти, які збирають гуманітарну допомогу і доправляють її в зону АТО. Географію їхніх поїздок відображають розділи фотодискусії – від Північів до Авдіївки до Волновахи та Широкиного.

В експозиції представлено близько 250 світлин, які волонтери знімали за допомогою камер мобільних телефонів. Знімки розвісили на маскувальній сітці – на них видно напівзруйновані будинки і підприємства, біди мирного населення і бойові будні українських бійців. На плазмовому моніторі волонтери демонструють відеозаписи із зони АТО. Крім того, на виставці представлені численні «артефакти» війни. Їх розкладено на порожніх снарядних ящиках, що посилює «ефект присутності». Ці

експонати залишають сильне враження – спотворений вибухом дорожній знак, простріляна репродукція відомої картини, обвуглені книжки і обгорілі дитячі фотографії, знайдені у зруйнованих будинках. Поруч лежать пробита осколками солдатська каска, гільзи різних калібрів, снаряди від артилерійських систем «Град» і «Ураган», і навіть тубуси від ручних гранатометів із петриківським розписом – їх розписали на дозвіллі українські бійці. Такою є війна очима волонтерів «Армії SOS». «Усі ці предмети наші хлопці привезли із зони АТО. Часто-густо «воєнний метал» дарували як сувеніри бійці, яким ми привозили харчі та одяг. Тривалий час вони лежали в нас на складі, поки не спало на думку організувати цю виставку», – розповідає волонтер Ігор Андрієнко.

Одним із найцікавіших експонатів є документи і посвідчення російських військових, які загинули під Донецьким аеропортом цієї зими. Волонтери кажуть, що відступаючи, противник забирав лише тіла спецназівців, решту кидали на полі бою. За даними цих документів, волонтери намагалися зв'язатися з родичами загиблих росіян, давали оголошення в Інтернеті, закликали забрати тіла і поховати. Родичі виходили на зв'язок, але ніхто з них так і не приїхав. «Виставкою ми хочемо показати людям, як боляче і страшно те, що відбувається на Донбасі», – каже волонтер Аліна Михайлова.

Організатори підраховували, що за три дні виставку «На лінії вогню» відвідало близько 500 осіб. «Порожньо тут не буває. Люди йдуть і йдуть. Особливо багато відвідувачів було минулими вихідними. Приходять школярі. Приїжджали навіть велосипедисти з іншого міста», – каже «екскурсовод» Тетяна Сагайдак. Тетяна навчається на філологічному факультеті Дніпропетровського національного університету. Як волонтер вона випробувала свої сили у шпиталі, переселенському центрі «Допомога Дніпра», але «знайшла себе» в «Армії SOS». Разом зі своїми друзями дівчина збирає «гуманітарку» для українських солдатів. Ріже і сушить овочі для заготовлі «сухого борщу» – цей продукт особливо популярний серед бійців АТО, які скучили за домашньою їжею. «Батьки хотіли б нас частіше бачити удома, але ставляться до нашої роботи з розумінням», – каже Тетяна.

Волонтери пишуться тим, що не раз виручали українських бійців. «У Мар'їнці у хлопців з 28-ї бригади пошкодило артилерійським вогнем генератор. Всього лише за три години ми зібрали 20 тисяч гривень, купили новий генератор і відвезли його на передову. Встановлювати його довелося під обстрілом, але все вдалося», – розповідають волонтери. Своїх «чотириколісних друзів» – автомобілі, що дістали пробоїни на воєнних дорогах Донбасу, вони називають жартівливими і ліричними іменами – «Сирник», «Зелений дракон», «Касатик». Один з них і стоїть біля входу до бібліотеки. Буває, що на фронт доводиться везти і обмундирування для загиблих, аби гідно провести в останню путь солдата – така сувора проза війни. Волонтери розповідають, що експозиція «На лінії вогню» часто викликає сильні емоції у простих людей. Буває, що плачуть літні жінки і навіть діти. Приходять бійці АТО і дякують за те, що волонтери показують правду про війну. Багато відвідувачів читають відомий «Лист із

фронту» бійця батальйону «Донбас» Івана Сотника, який загинув 2 травня під час артобстрілу в Широкиному. У залі поряд із таблицею для перевірки зору «ПТН ПНХ», яку подарували волонтерам українські бійці, стоять прозорі скриньки для збору пожертвувань – вони вже заповнені грошовими купюрами. Організатори експозиції кажуть, що триватиме вона в міській бібліотеці цілий місяць. «Найімовірніше, після цього виставка «На лінії вогню» переїде і експонуватиметься в інших містах України, зокрема в Києві», – кажуть волонтери [3].

«Викладач Вінницького національного технічного університету, кандидат технічних наук Світлана Бевз та її чоловік, заступник начальника служби програмного супроводу ПАТ «Вінницяобленерго» Сергій Бурбело торік улітку майже три місяці воювали на передовій, а коли повернулися у рідну Вінницю, зайнялися волонтерством. Ми зустрілися у холі її рідного політеху. Світлана Бевз запросила мене до свого кабінету докторантів і почала розповідати про дорогий її серцю «Айдар», згадувала хлопців, волонтерів, і тих, кому не судилося повернутися додому. «В «Айдарі» панує атмосфера високого патріотизму, піднесеного бойового духу, братерства та взаємовиручки, і ми щасливі, що нам судилося воювати саме у цьому добровольчому батальйоні, – наголошує Світлана Володимирівна. – Коли відбулася анексія Криму, а ворог почав наступати на Донбас, ми з чоловіком вирішили, що підемо на війну. Це було наше спільне рішення. Разом шукали варіанти, як можна потрапити на службу в Збройні сили України, цікавилися, чи можуть нас мобілізувати. Нам запропонували контрактну військову службу терміном на три роки, але для цього треба було розрахуватися з роботи. Змінити свою улюблену професію на військову службу ми не хотіли, тому вирішили піти добровольцями в «Айдар». Родичам Світлана і Сергій сказали, що поїхали відпочивати на море. Та коли ті з новин побачили їх у Щасті, то не здивувалися, бо подружжя завжди було небайдужим до чужого горя.

У розташування батальйону «Айдар» прибули 17 липня 2014 року. Майже все необхідне спорядження купували власним коштом. Тільки бронезилети надали волонтери. На базі батальйону вінничани дістали підготовку і ще з одним добровольцем сформували зенітний розрахунок. Командиром розрахунку комбат призначив Світлану Володимирівну. Їм видали «раритетну» установку 1952 року. Та знання технічних наук допомогло новоспеченим зенітникам швидко налагодити механізм. Подружжя разом вистояло не один бій, доля вберегла їх від куль і осколків. «Найстрашніші бої були під Хрящоватим, – згадує Світлана. – Засідки, снайпери, «Гради». Від сильного гулу не рятували ані навушники, ані беруші. Із часом вибухи, гул, гамір перетворюються на фон, і ти концентруєшся на виконанні своїх завдань. Завдяки злагодженій роботі і палкому бажанню ми перемогли, але втрати у тому бою були значні». У зоні бойових дій Світлана і Сергій пробули до 30 вересня минулого року. Там у колі бойових побратимів вони відзначили 20-річчя подружнього життя. Раптом розмову перервав телефонний дзвінок. Телефонувала, найімовірніше, подруга-волонтерка з іншого міста. Новини були невтішні – кілька «трьохсотих» і «двохсотих». Світлана Володимирівна заспокоювала і делікатно допитувала:

«хто, хто загинув?» Потім не приховувала емоцій. Розмова не клеїлася...

За кілька місяців служби і понад півроку волонтерської діяльності вона познайомилася із сотнями «айдарівців». Знає їх усіх по іменах і позивних. Для неї кожен із них найкращий, незамінний, дорогий. А вона для них справжній янгол-охоронець. Неодноразово вони телефонували саме їй з проханням допомогти, бо знали, що не відмовить, допоможе якнайшвидше. Довіряють їй і вінничани, які передають продукти, гроші, обереги для воїнів АТО. Вони знають, що Світлана доправить усе адресату вчасно, передасть звістку до дому і словами щирими втішить. «Залишити військове братство було нереально. Цей дух настільки ріднить людей, що приїхати додому і більше не їхати на схід – просто неможливо, – переконана Світлана Бевз. – Разом з тим я розумію, що важливо займатися благодійництвом і тут, у тилу, де лікуються і дістають реабілітацію наші хлопці. Нещодавно у нас у гостях були волонтери з Мукачєвого, які випустили книжку патріотичної поезії «Воїни Світла». Там зібрані вірші сотні українських поетів. У книжці є твори вінницької поетеси Олександри Бурбело, моєї донечки, й інших відомих українських поетів, яких ми вже назвали поетичною сотнею. Книжку представили пораненим бійцям, які лікуються у вінницькому військовому шпиталі, та у нашому університеті. У рамках цієї акції провели вечір пам'яті на честь загиблого студента нашого вишу, «айдарівця» Володі Мухи. Він пішов добровольцем на фронт, воював у нашій 27-й вінницькій сотні. Мав на меті перевестися на заочну форму, щоб залишитися в батальйоні захищати Батьківщину, але не встиг, загинув...

Бути волонтером важко, – переводить подих і продовжує розмову Світлана Бевз. – Це необхідна робота, але вона забирає багато сил і часу. Згадується, як до нас на передову вперше за час мого перебування там приїхали наші вінницькі волонтери. О! Це було свято, так радісно, ніби тобі частинку рідного дому привезли. Тоді я вперше познайомилася зі славнозвісною волонтеркою із правозахисної організації солдатських матерів «Мальва» (з Гайсина Вінницької області) Людмилою Менюк. Це легендарна жінка, яка попри втрату на фронті рідного сина, теж «айдарівця», не полишила займатися волонтерством, допомогою іншим. Саме вона ддала мені сили і надихнула на нові звернення». Є у Світлани і Сергія ще одне джерело натхнення – це їхній собака, німецька вівчарка Бадді, яку вони привезли зі сходу. Коли жінка тільки приїхала у розташування «Айдару», собака одразу обрав її за господаря. До Світлани пес втратив на війні вже трьох своїх хазяїв. Перший був сапером і навчив Бадді шукати міни. Саме він привіз її до «Айдару», але загинув у бою. Бадді ж підірвалася на двох розтяжках, але вижила. Коли Світлана і Сергій поверталися до Вінниці, вівчарка чекала на цуценят, подружжя не змогло залишити її в батальйоні, забрали у свою однокімнатну квартиру. Цуценят, які народилися взимку, розібрали вірні друзі-«айдарівці» та волонтери. А Бадді завжди поруч зі Світланою, віддано оберігає її. «Вона дуже розумна. Коли я ще була в «Айдарі», постійно ходила зі мною. Я заступаю на пост, він у нас розташовувався на даху, а вона чотири години лежить, чекає мене внизу. Навіть вночі не засинала, все стежила за мною, щоб була нічого не трапилося, – розповідає Світлана. – У нас із Бадді повне

взаєморозуміння. Я ніколи на неї не сварюся, вона все розуміє з мого настрою, голосу. Я ціную її як свого вірного бойового побратима».

Зараз Світлана Володимирівна працює доцентом на кафедрі електричних станцій і систем, заступником директора в Інституті магістратури, аспірантури та докторантури технічного університету, пише докторську дисертацію. Паралельно займається волонтерською роботою та благодійництвом. Скажете: як їй вистачає на все це часу? Не вистачає. Навіть якби доба становила 48 годин, її для всіх задумів і проєктів не вистачило б. А нещодавно Світлану Володимирівну за відвагу та мужність у бойових діях Всеукраїнське об'єднання «Крайна» нагородило медаллю «За оборону рідної держави». До нагороди жінку представив батальйон «Айдар». «Нагородили мене на святкуванні з нагоди річниці створення добровольчого батальйону «Айдар», яке відбулося нещодавно у Києві, – каже Світлана. – Але я воювала не для нагороди, не заради неї займаюся нині і волонтерською справою, а задля перемоги. Щоб мої друзі повернулися додому, раділи життю разом зі своїми рідними. Нині нам не можна втрачати надію і віру. Ми просто не маємо на це права. Ціна нашої перемоги надто велика, ми втрачаємо цвіт української нації, і про це слід пам'ятати щодня. Якщо ви прожили день і нічого не зробили для перемоги, то цей день минув даремно» [4].

«Капеланська служба ДУК ПС існує з часів заснування батальйону. Вона – міжконфесійна і налічує близько 30 священників. Очолює службу представник греко-католицької спільноти капелан Микола Мединський-Залізник. Священник працює з «Правим сектором» ще з часів Майдану і переконаний, що це одна з найпомітніших сил у сучасній Україні:

– Особисто я у визвольному русі з 1988 року. Ще підлітком був членом УНСО, а пізніше ОУН. Як бачите, виховувався в патріотичному і націоналістичному дусі, тому погляди у мене завжди були праві. Я прихильник ідеології націоналізму, оскільки вона пропагує ідеї любові. Це любов до свого народу, через яку приходиться любов до Бога. З початком Майдану я не міг залишатися осторонь. Коли приїхав туди, то побачив, що однією з найбільш дієвих сил був «Правий сектор», який лише почав формуватися. Тоді ми з хлопцями почали спілкуватися, працювати разом. Так повелося й до цього дня. Що тоді, що зараз я не бачу більш вагомій сили, яка може довершити справу наших великих прадідів. – Чим викликана така необхідність батальйону мати власну капеланську службу? – Головна заслуга в цьому – Дмитра Яроша. В організаціях, в яких я був, намагався звернути увагу на релігійну складову і саме на капеланську службу. Але здебільшого до мене не дослухалися. Та в «Правому секторі» я навіть не встиг подати пропозицію, коли мене викликали і дали вказівку – створити внутрішню капеланську службу. Відмінність капеланської служби ДУКу від офіційної служби греко-католицької церкви в тому, що ми не тільки капелан-духівники, а й провідники. Якщо офіційна капеланська служба – це супровід, то наша служба – провід. Крім задоволення лише духовних потреб, які надає парафіяльний священник, у нас наявний також виховний процес. Є дві головні заповіді

Христа: «Люби свого Бога всім серцем своїм» та «Люби свого ближнього як самого себе». Якщо на парафіях з першою заповіддю працювали, то друга ігнорувалася й нівелювалася. Наше завдання покласти наголос на повноцінному виконанні обох заповідей. Ми готуємо навіть методичну літературу для нових капеланів. Інший аспект нашої діяльності — це психологічна підтримка. Хлопці, душі котрих травмовані жахіттями війни, не хочуть звертатися до спеціалістів. До капеланів хлопці йдуть значно охочіше. Ми маємо багато прикладів, коли вдається вирішити цю проблему. — **Ви є чинним парафіяльним священиком села Нижній Березів, що на Івано-Франківщині. Як суміщаєте службу і роботу в ДУК?** — Допмагають побратими-священники, які за потреби підмінюють. Також я дуже вдячний парафіянам. Вони стикаються з деякими незручностями, коли години служби переносяться, бувають затримки. Якщо у нас залишається один священик на дві-три парафії, то почати богослужіння всюди вчасно не вдається. Але парафіяни розуміють, що справа, яку ми робимо — загальна. Їхнє терпіння — це теж внесок у цю боротьбу. Взагалі у нас одне із найпатріотичніших сіл у районі. Від нас вийшло багато представників середньої ланки ОУН-УПА. За часів визвольної боротьби минулого століття на базі нашого села навіть сформувалася окрема Березівська сотня, очолив яку славнозвісний Мороз. Також від нас родом відомий сотник Кривоніс. — **З якими запитаннями до вас найчастіше звертаються бійці?** — Запитань дуже багато, але всі вони належать до кількох основних. Перше — це війна, на якій доводиться стріляти, вбивати. Момент «духовного нашарування бруду» дається взнаки, тому доводиться хлопців заспокоювати, пояснювати, що вони не вбивають, а захищають свою землю. Хто до нас з мечем прийде — від меча і згине. Воїн-доброволець у любові та жертвовності прирівнюється до Христа. Христос настільки любив людство, що віддав за нього життя. Воїн настільки любить свій народ, що заради нього готовий іти на смерть. Є у хлопців і відчуття провини перед сім'ями. Як добровольці, вони не мають жодного забезпечення і нічим не можуть допомогти рідним. Але ж вони виконують не свої забаганки, а рятують свої родини, щоб те звірство не прийшло до їхньої хати. Дуже болюче питання — це втрата побратима. Турбує бійців і нерозуміння на місцях, вони приходять додому у відпустки і бачать байдужість. Для них це дуже боляче. Замість того, щоб іти на пари, гуляти з дівчиною, хлопці пішли під кулі. Пішли задля того, щоб інші мали можливість бути з родиною. Але цього не цінують. — **З ким складніше працювати — з молодими бійцями чи зі старшими?** — Неможливо дати чітку відповідь, все залежить від особистості, а не від віку. Хоча мушу визнати, що молодь у нас чудова. Свого часу ми її недооцінювали, коли казали, що їй нічого не треба, крім грошей та комп'ютера. Але зараз уже очевидно, що це не так. Молодь завжди була активним учасником боротьби. У цих людей гаряча кров, є мрії, ідеали. Вони не побиті жорстокими буднями нашого життя, тому імпульсивніші. Старші, звісно, більш розважливі, їм легше щось пояснити. — **Які настанови ви даєте хлопцям перед тим, як вони йдуть у гарячу точку?** — Головна настанова — завжди залишатися людьми.

Вбивство ворога в бою — не гріх, але знущання з полеглого, полоненого — гріх. Також кажемо, щоб вони завжди пам'ятали про те, що справа, яку вони роблять, свята. Хлопці повинні пам'ятати, що нашими діями керує не ненависть до ворога, а любов до свого народу. Саме вона спонукає до героїзму» [6].

«Історія цієї жінки нічим не відрізняється від розповідей інших українських заробітчани. Скрута і безробіття змусили її 14 років тому покинути рідну домівку й виїхати на пошуки кращої долі в сонячній Італії... Працювала, де прийдеться, аби тільки прогудувати сім'ю, яка залишилася в Чернівцях. Згодом влаштувалася на стабільну роботу, винайняла житло і вирішила перевезти родину до невеличкого італійського містечка Реджо-Емілія. Разом взяли у кредит житло, машину. Зараз, щоб його виплачувати, жінка працює в кількох місцях. Але на відміну від більшості українців за кордоном, у вихідні вона не відпочиває разом з родиною у садку біля будинку, а збирає гроші на підтримку для наших бійців у зоні АТО. 49-річну Ірину Крикун добре знають українці та італійці. Разом зі своїми подругами вона облаштувала посеред людного міста невеликий проукраїнський намет: там стоїть стіл, є спеціальні скриньки для грошових пожертв, оформлено стенд із фотопортретами поранених бійців, які чекають на допомогу від небайдужих людей, майорить український прапор... «Я не націоналістка і не «бандерівка», просто дуже люблю Україну, хоч живу в Італії, — каже про себе Ірина. — Волонтерством почала займатися ще у червні минулого року. Тоді в соціальних мережах натрапила на перелік необхідних речей для хлопців із зони АТО. Згодом прочитала статтю про пораненого бійця батальйону «Азов»: виявилось, що він — із моїх рідних Чернівців, я добре знала його родину. Не втрималася і зателефонувала. Після дзвінка зрозуміла: треба допомагати. Першу посилку з ліками ми з сім'єю зібрали за власні кошти. Потім почала залучати знайомих, бо один у полі не воїн.

Дуже вдячна всім, хто підтримує мою ініціативу. Це люди з Вінниці, Тернополя, Черкас, Хмельницького, Львова, Києва та інших міст України. Нині ми вже налагодили зв'язок із волонтерами, які живуть в інших містах Італії. Особливо подяку хочу висловити нашим хлопцям — водіям автобусів, які допомагають безкоштовно привезти допомогу з Італії до України». Спочатку жінки налагодили контакт із добровольцями з полку «Азов». А потім поступово почали «виходити» на інші підрозділи. На жаль, були випадки, коли допомога не доходила до кінцевого адресата, бо не всі волонтери в Україні виявилися чесними. Тому нині українці в Італії працюють лише з перевіреними благодійними фондами. Тими людьми, каже Ірина, які перевірені боєм і скрутними ситуаціями. Зазвичай волонтери передають продукти, одяг, ковдри, ліки, пігулки для очищення води, вітаміни, засоби для дезінфекції, дощовики та плащі для маскування. Саме вони, каже волонтерка, цієї зими врятували життя не одному бійцеві. «У грудні ми передали на передову декілька білих плащів, вони зручні, легкі й теплі — словом, те, що потрібно бійцям узимку, — розповідає Ірина. — Потім хлопці телефонували і дякували за них, бо вони врятували їм життя. Якось вони пішли у розвідку і натрапили на ворога, причаїлися, і їм довелося лежати на снігу майже годину —

за кілька метрів від ворога. Завдяки цим плащам залишилися непоміченими, а тому й живими». Ірина розповіла багато різних історій. Згадувала про переселенців із Криму, які нині мешкають у її будинку в Чернівцях. І час від часу плакала, розповідаючи про матерів поранених, молодих дружин, котрі стали вдовами, дітей-сиріт. Дивлячись на цю жінку, уїймала себе на думці: доки у світі є такі українці, як Ірина Крикун, нас нікому не перемогти!» [7].

«Йонас Охман всего на два дня прилетел в Киев из Вильнюса, где сейчас живет. Как всегда, привез много необходимых военных вещей. Помимо встреч с друзьями и соратниками, у него были запланированы важные встречи в Генштабе. Невзирая на занятость, он нашел время для беседы с корреспондентом «ФАКТОВ». — **Давайте начнем с вашей волонтерской деятельности.** — Отправной точкой стал Майдан. Это однозначно судьбоносный момент в истории Украины. Литва пережила подобное в 1990–1991 годах и вышла из той ситуации победителем. Во время Революции достоинства я не мог приехать в Киев — заболел пневмонией. Следил за событиями по телевизору. Потом была аннексия Крыма... В какой-то момент, когда события приняли серьезный оборот, увидел в новостях, что в руках у «вежливых людей» бесцельный автомат «Вал», каким вооружают представителей ГРУ и МВД России. Мгновенно раскусил, что та сторона нагло лжет и ведет степную игру. После первых боевых действий на юго-востоке понял, что настало мое время, не могу со стороны наблюдать за войной. Оказалось, таких, как я, много. У нас в команде актрисы, студенты, рабочие, бизнесмены, архитекторы, пенсионеры, которые испытывают те же чувства: надо что-то делать, сейчас пришла наша очередь помочь. Волонтерству нигде не обучают. Мы вообще не знали, с чего начать. Звонят: «Нет касок». Какие каски? Какие бронжилеты четвертого и пятого класса? Какие тепловизоры? Где их брать? За какие деньги? Но методом проб и ошибок постепенно разобрались, нашли людей, с которыми можно сотрудничать, наладили связи. Чтобы выиграть войну, надо работать с Европой. Я много ездил по Швеции, Норвегии, Германии, Австрии. Встречался с разными людьми, пытаюсь убедить их помогать украинцам. Для большинства европейцев Украина — «несуществующее» государство. Единственное, что они знают, — вроде у вас какой-то кризис. Они хотят, чтобы все побыстрее успокоилось и чтобы их комфорт, не дай Бог, не был нарушен. Одновременно с этим нашлись и единомышленники, которые готовы помочь и действовать ради того, чтобы ваша страна выстояла. Литва в этом смысле задает тон. Мы с коллегами передаем и привозим ребятам медикаменты, берцы, спальники, одеяла, теплую одежду — практически все, кроме оружия. За это время выстроили свою четкую систему и уже гораздо лучше, чем прежде, понимаем, что и как надо делать. Мы уже закалены. Никого из нас не удивить ни бумажной волокитой, ни бюрократией, ни вопросами на таможне, ни тем, что ваши чиновники почему-то решили, что волонтеры занимаются бизнесом. Кроме помощи фронту, начали работать над конкретными социальными проектами в Луганской области. У нас хорошие связи с Георгием Туккой (председатель Луганской областной государственной администрации. — Авт.) еще

со времен, когда он возглавлял волонтерскую группу «Народный тыл». На Луганщине действительно очень много проблем — и неотложных, и таких, которые подождут до завтра, но думают об их решении нужно сегодня. Знаете, если бы не война, я не оказался бы в Донбассе. Меня поразили встречи с самыми обычными людьми — они удивительные. Теперь я в каком-то смысле стараюсь для них. И для детей, которые с флагами встречали освободителей. Так что знаю, что делаю доброе дело. Я очень хочу победить. — **Уже больше года длится эта бессмысленная и дикая по своему цинизму трагедия...** — Год войны — это вечность. У вас идет самая настоящая борьба за независимость и свободу. Аналогичная ситуация была в Прибалтике после Первой мировой войны, в 1918–1920 годах. Я читал довольно много разных первоисточников по истории Украины. Поэтому имею все основания говорить, что сейчас вы с очень большим трудом стараетесь не только выиграть войну, но и создать себя, свою государственность, свою идеичность. Что касается России, мир давно отошел к ней просто вежливо. Неоднократно бывал там. Прекрасная страна, но в ней живут рабы. С ними надо работать, объяснять, что происходит. Но как работать, пока не знаю. Там полная безнадежность. Так что начнем с Украины. Но у вас, не обижайтесь, тоже менталитет полурабов: одни ждут, что кто-то будет делать за них, других полностью удовлетворяет то, что они имеют. И это противоречит всякой логике развития. А ведь вы совсем другая страна в стратегическом смысле! К тому же вам дан шанс, который выпадает один раз в тысячу лет. Украина находится в уникальном историческом периоде. У вас столько ресурсов, так много всего, вы самая потенциальная держава Европы. Вы же можете кормить весь Евросоюз! Но, к сожалению, этого стремления нет. Здесь живут хорошие трудолюбивые люди. Посмотрите, какую зрелость и солидарность демонстрирует волонтерское движение. И тут же противоречие: часть общества отдает буквально все для победы, отрывает от себя последнее, а кто-то ездит на дорогущих внедорожниках, которые ой как пригодились бы на фронте. Каждый сам по себе? — **Знаю, что вы много общаетесь и с командирами среднего звена, и с военачальниками. Какие впечатления?** — Разные. От восхищения до полного непонимания, почему человек занимает эту должность. Возьмем мобилизацию. В то время когда некоторые парни «бегают» от повесток или откупаются в военкомате, офицеры из штабов готовы заплатить деньги, чтобы попасть на войну. Мне известны такие факты. Дело в том, что у меня другое воспитание, иной опыт. В 1984–1985 годах я служил в спецподразделении в Швеции. И не было дилеммы идти — не идти. Пришло время — давай иди. Там система безопасности страны выстроена так, что в течение трех дней можно развернуть полноценную и очень хорошо подготовленную армию численностью до 700 тысяч человек. Причем все продумано до мелочей. Я был участником этой системы. Она меня сформировала. Создать подобное — длительный процесс. А у вас в военной академии до сих пор висят картины о борьбе с басмачами в Средней Азии в 20-х годах прошлого века. Скажете, ерунда? Нет! Я на самом деле много беседую с самыми разными чинами. Несказанно удивляет отсутствие разговоров о наступательных

дійствях. Недавно в приватній бесіді який генерал розповідав, як повинні воювати один фронт з другим. Но, простите, сьогодні якого віку на дворі? Де стратегія, де дерзость, без якої військовоє діло не стоїть ломаного гроша? У вас просто отличные наводчики и артиллеристы. Да дайте мне их, еще десять хороших сержантов и пару нормальных лейтенантов, можно горы свернуть. — Скажите, хоть что-нибудь меняется в лучшую сторону? — Все очень устало, у народа сейчас черно-белое восприятие действительности, и часть молодежи подумывает об эмиграции. К тому же идет очень активная информационная война. Самая главная задача СМИ в ней — дать надежду и одновременно дать понять, что «моя страна — моя проблема». У вас любяты говорить: «Все будет хорошо». А я неизменно добавляю: «Но надо стараться». Надежда без работы и без действия — фальшивый друг. Украинцам не стоїть демонстративно ждати помощи от Европы и Америки. Следует уяснить, что вы сами должны все сделать. Вот тогда — парадокс! — и будет серьезная помощь. Я и мои коллеги — мы как какой-то европейский «десант», за нами стоїть весь континент. Но этому континенту следует дать веру, что «українцы могут». Считаю, что перспективы не такие плохие. У вас есть много людей, готовых трудиться во имя будущего. Только необходимо чуть-чуть совершенствовать концепцию. Освободить территорию — это победа над собой. И нужно заслужить право сказать: «Мы это сделали». Уверен, что Украина сможет выиграть. Но победа — это не миг, не крики «ура, мы победили!», это длительный процесс. Война — непростое діло. Но настоящий главный вызов — мир. Когда вы будете создавать нормальную страну с нормальными правилами, чтобы дать всем гражданам возможность жить достойно. Без оружия сделать это невероятно сложно. Но иного варианта просто нет.

P. S. «Воплощаем «План Панда», — написав на днях Йонас на своей страничке в «Фейсбуке». Его позывной — «Шалена панда» — о многом говорит» [8].

«Незалежність — цінність, яку неможливо здобути назавжди, її доводиться відстоювати постійно. Переконалися у справедливості цієї простої істини на власному, часом гіркому, досвіді українцям довелось впродовж останніх двох років. За те, що Україна досі є незалежною й 24 серпня матиме змогу знову святкувати своє головне національне свято, окрім, зрозуміло, військових, варто передусім подякувати вітчизняним волонтерам. Саме цей новий, не надто великий, але напрочуд активний клас українського суспільства, який зародився ще під час Майдану, підставив плече державі в найтяжчу хвилину. І сьогодні, попри складну економічну ситуацію, волонтери знаходять можливості забезпечувати військових всім необхідним. Яким нове українське суспільство бачить себе на екрані? Чи адекватно телеканали висвітлюють бойові дії та життя військових, зокрема й тих, хто повернувся з передової? Про які цінності та ідеї варто було б говорити з телеаудиторією на День Незалежності? Про це, а також про власні телесмаки в межах традиційної рубрики «Дню» розповіли ті, хто щодня перебуває на межі двох світів, — світу мирних українських міст і світу передової.

«ПРО КРИМ З ЕКРАНІВ ЗГАДУЮТЬ ЛИШЕ В РІЧНИЦЮ АНЕКСІЇ». Олександра ДВОРЕЦЬКА, координатор ініціативи «Восток SOS»: «На мою думку, ТБ не встигає за змінами, які відбуваються в суспільстві. Воно продовжує грати за старими правилами. Досі ми бачимо на екранах постановочні політичні ток-шоу, які фактично підмінюють собою реальність. Якщо перебуваючи в Києві можна потрапити на центральні канали з будь-якою ініціативою чи протестом, то в областях ситуація інша. Регіональним кореспондентам доводиться докладати дуже багато зусиль, щоб на їхні теми звернули увагу. Саме тому загальнонаціональні канали, окрім, звісно, бойових дій на сході, здебільшого висвітлюють життя столиці. Побачити ж, що відбувається в Кіровограді, Миколаєві чи Херсоні, глядач можливості не має. Серед іншого, саме тому в українців часто відсутнє відчуття, що ми живемо в одній країні. Переконана, що відсоток регіонального контенту в сітці мовлення має бути більшим. На жаль, все менше уваги телеканали приділяють темі Криму — вона відійшла навіть не на другий, на п'ятий-шостий план. Коли в березні була річниця анексії півострова, дуже багато журналістів звернулися з проханням про коментар. Усе це нагадувало ситуацію, коли родичі, які впродовж року не виявляли до тебе жодного інтересу, на день народження надсилають смску з якимось банальним привітанням. Відверто кажучи, було доволі неприємно. Уже в квітні, травні із запитаннями щодо Криму ніхто не звертався... Універсальне завдання для телевізійників і журналістів загалом — показувати правду, хоч якою б вона була. Адже це спонукає суспільство не мовчати, а владу — діяти. Якщо відбуваються обстріли і є жертви, якщо евакуація потрібна, але вона не проводиться, — говорять про це. Це, зокрема, має велике значення й для роботи волонтерів. Люди дивуються: «Навіщо ви просите про допомогу, якщо все добре?» Більшість, наприклад, часто не уявляє собі реальної кількості переселенців, які потребують допомоги. Переконана, що журналістам навіть не варто зважати на російську пропаганду, яка може використати той чи інший сюжет у своїх цілях. Зрештою, вони завжди можуть щось вигадати й без цього. Загалом діяльність волонтерів дуже залежить від роботи журналістів, і я вдячна за ту підтримку, яку вони нам надають. Сюжет на ТБ часом дуже допомагає знайти необхідні ресурси. Водночас нерідко телевізійники звертаються з доволі дивними проханнями — наприклад, знайти дитину, на очах якої загинув її пес... Зрозуміло, що для ТБ потрібна певна «картинка», але часом здається — ці люди живуть у паралельному світі й не розуміють, що, наприклад, відчували ті, хто перебував під обстрілами, — деяким із них взагалі дуже складно про це говорити. Зрозуміло, що після півтора року війни у суспільстві є запит на хороші новини. Почувши, що все добре, люди в Києві вирішують для себе: можна й далі жити у своєму задоволенні, «тусуватися» клубами. Але ж проблеми тих, хто живе на лінії фронту, це жодним чином не вирішує! Навпаки — коли вони бачать, наскільки «картинка» в телевізорі відрізняється від їхньої реальності, це лише віддаляє їх від решти України. На ТБ має бути баланс — слід роз-

повідати про хороше й погане, сумне та веселе. Звісно, кожен глядач повинен мати можливість сам обирати контент. Хоча, як на мене, якщо десь відбуваються обстріли й гинуть люди, то це – не дуже хороший час, щоб розважатися... Зрештою, канали мають певним чином реагувати на те, чим живе країна загалом. Київ сьогодні, як і більшість інших регіонів, майже не бачить війни. Про неї згадують лише, коли бачать переселенців або жалобну процесію... Загалом телевізор не дивлюся – навіть не маю його вдома. Зрідка доводиться, хіба десь у гостях. Деякі програми переглядаю в Інтернеті. Подобаються прямі ефіри на Hromadske.tv, в яких можна побачити «непричесану» реальність – без правок і монтажу. Найцікавіше – коли в студію приходять чиновники. Це дещо відрізняє їх від інших політичних ток-шоу з властивою їм штучністю».

«НАЙВАЖЛИВІШІ ДУМКИ НЕ ПРОХОДЯТЬ ЧЕРЕЗ РЕДАКЦІЙНІ ФІЛЬТРИ». Кирило СЕРГЕЄВ, голова ВГО «Товариство ветеранів АТО»: «Вітчизняне телебачення відстало в часі – попри всі драматичні події в країні, за останні півтора року я не побачив суттєвих змін. Домінують ті ж самі ідеї, погляди, підходи, що й п'ять-сім років тому, – так, ніби люди, країна зовсім не змінилися. Це стосується як новин, так і ток-шоу. Саме тому особисто я вмикаю телевізор лише заради того, щоб разом із сином подивитися мультики. Навіть розважальні шоу дивують своєю банальністю та низьким естетичним рівнем. Коли слухаєш нашу «культурну еліту», складається враження, що ми з ними живемо в різних країнах. Я не закликаю скасувати на час війни всі розважальні програми – вони повинні бути. Але є великі питання до їхньої якості. Несприйняття викликає, наприклад, повсюдна, позбавлена будь-якого смаку, експлуатація сексуальності. Це нагадує бенкет під час війни. Не можу сказати, що в каналів зник інтерес до бойових дій на сході. Ця тема – досі одна з перших. Проблема – в розділенні головного та другорядного. Часто телевізійники схильні спрощувати важливі питання. Можу говорити про це, зокрема й з огляду на власний досвід спілкування з ними. Нерідко редактори монтують інтерв'ю таким чином, щоб підлаштувати його під якусь власну, заздалегідь сформульовану, ідею. Від багатьох колег із ветеранських і волонтерських організацій доводилося чути нарікання на те, що через ТБ дуже важко донести до суспільства найбільш важливі думки, – вони не проходять через редакційні фільтри. Натомість на першому плані опиняються другорядні речі. Намагаємося ламати цю стіну, говорити журналістам про важливість тієї чи іншої тези, але результат є не завжди. Яскравий приклад – висвітлення мобілізації. Більшість експертів наголошували, що всі проблеми тут пов'язані з хибністю самої системи. Наприклад, згідно із західними методиками, при оголошенні часткової мобілізації кожна людина одразу знає – підпадає вона під неї, чи ні. Адже зазвичай викликають резервістів лише певного року народження. В Україні ж, попри те, що мобілізація була частковою, в «зоні ризику» опинилося все чоловіче населення. Про такі важливі речі з екранів, здається, не говорили взагалі. Натомість журналісти підійшли до теми поверхово, повторюючи повсякчас тези про «нестачу патріотизму» або «бажання

громадян зберегти роботу». Найважливіші проблеми, з якими стикається сьогодні Україна, – в деталях. Хоча на поверхні все може виглядати гарно, дуже часто система не працює. Щоб з'ясувати – чому, доводиться заглиблюватися, вчитуватися в той чи інший закон, адже нерідко все залежить від однієї коми. Журналісти ж спрощують собі завдання, шукаючи, хай і неправдиве, зате найбільш легке й зрозуміле для широкої аудиторії пояснення. Зрештою, не в змозі побачити суті речей, суспільство ходить по колу. Щоб уникнути цієї пастки, найбільш прогресивна частина українців взагалі відмовляється від телебачення, надаючи перевагу Інтернету. Переконалий, що вітчизняні канали повинні повернутися до суспільства обличчям й докорінно змінити формат своїх програм. Інколи, спостерігаючи за тим чи іншим ток-шоу, складається враження, що люди зібралися там, щоб просто поспілкуватися між собою. Телеаудиторія ж опиняється в ролі випадкового свідка. Якщо говорити про реабілітацію ветеранів АТО, то чи не найважливіша нині проблема – брак інформування. Військові, які повертаються зі сходу, часто не знають про доступні варіанти реабілітації; не знають, куди конкретно слід звертатися. Через загальну роз'єднаність суспільства, зокрема й громадських організацій та державних інституцій, бійцям дуже важко зорієнтуватися. Вочевидь, частка відповідальності за це лежить і на телебаченні».

«НА ДЕНЬ НЕЗАЛЕЖНОСТІ ПЕРЕДУСІМ ТРЕБА ПРИВІТАТИ ВІЙСЬКОВИХ». Анна САНДАЛОВА, голова правління Благодійного фонду «Підтримай армію України»: «Телевізор вмикаю один раз у два місяці – щоб згадати, що він зламаний. Новини дізнаюся з Інтернету, причому переважно не з медіа, а з повідомлень друзів і колег, волонтерів і військових. Востаннє системно дивилася ТБ, коли показували трансляції з Майдану. У певний момент воно просто перестало відповідати моїм запитам. Наскільки мені відомо, значна частина телеканалів обрала для себе песимістичний шлях «всепропальщиків», поширюючи серед українців депресивні настрої. На мою думку, це доволі негативна тенденція, адже у свідомості громадян, які все ще довіряють телебаченню, складається викривлена картина світу. Суспільство нині потребує якомога більше різноманітної інформації щодо подій на сході, життя військових тощо. Адже люди все частіше починають забувати про те, що в країні триває війна, й віддають пріоритет власним побутовим проблемам. Незабаром Україна відзначатиме День Незалежності. Дехто нині дозволяє собі критичні зауваження щодо майбутніх святкувань, урочистого параду на Хрещатику тощо. Переконала, що це – неправильна позиція. Незалежність – наша найвища мета, отже, цей день – свято Української Меті. В першу чергу маємо привітати військових, які воюють в АТО. Адже для них День Незалежності має особливе значення, вони відчувають його зовсім по-іншому. Можливість пройти урочистою ходою Хрещатиком має для ветеранів велику цінність. Таким чином вони щонайменше можуть нагадати іншим українцям про те, що відбувається на Донбасі. Знаю, що підготовка до святкувань триває й безпосередньо на передовій. Хотілося, щоб телеканали врахували все це при підготовці святкових

ефірів, адже військові їх також дивитимуться. Знаю про це, бо неодноразово бачила невеличкі телевізори на позиціях – часом, щоб вони працювали, бійцям доводиться вдаватися до хитромудрих технічних пристосувань. Як «піарщик», знаю, що найбільше досягнення будь-якої піар-кампанії – максимальне залучення телеканалів. За півтора року роботи волонтером я не докладала задля цього жодних зусиль. Попри це, телевізійники завжди поруч, навіть на передовій. Нерідко вони запрошують нас до своїх студій або ж самі приїжджають на склад. Така допомога має велике значення для нашої роботи, й ми її дуже цінуємо!»

«ВІТЧИЗНЯНІ КАНАЛИ НЕ ЗАОХОЧУЮТЬ ДО ПАТРІОТИЗМУ». Дана ЯРОВА, волонтер, радник заступника міністра оборони України: «Телевізор майже не дивлюся – після початку бойових дій на Донбасі на це не вистачає часу. Дратує, що досі показують російські серіали. Це – неправильно. На жаль, істотних змін в сітці мовлення після Революції Гідності я не помітила. Мені здається, за цей час вже можна було зняти не один патріотичний серіал про наших військових, про події на Майдані або навіть про нову поліцію. Чому цього досі не було зроблено, не розумію. Пам'ятаю, канали продовжували показувати розважальні програми навіть у ті періоди, коли на сході тривали активні бойові дії й щодня гинуло багато людей. Мене це дуже дивувало. Чи доречний такий контент зараз, коли напевно триває «перемир'я», але при цьому ми й далі втрачаємо бійців, мені сказати складно... Якихось випадків відверто викривленого висвітлення моєї діяльності або перекручування слів я не пригадую. Водночас нерідко помітне бажання журналістів показати волонтерську роботу під певним кутом – вочевидь, прослідковується вплив на канали певних політичних сил. Особливого поширення останнім часом ця тенденція набула на «1+1». На жаль, програми українських каналів не заохочують до патріотизму. Практично відсутня будь-яка виховна робота щодо глядачів молодшого віку. Але ж саме вони й дивляться телевізор! Вважаю, що відповідальність за це лежить як на власниках, так і на відповідних державних структурах» [9].

«Повестку из военкомата харьковчанин Дмитрий Явдошенко получил весной этого года. Дима разрабатывал беспилотники для украинской армии, и попросил у военкома отсрочку, чтобы успеть закончить работу над очередным аппаратом. Однако харьковская Фемида решила устроить над 33-летним военным волонтером показательный процесс. Очень быстро, в нарушении всех процессуальных прав обвиняемого, Дмитрия прямо в зале суда взяли под стражу. При этом уклоняться или прятаться от армии он никогда не собирался. – *Мы общались с Димой давно, –* рассказал журналистам **товарищ Дмитрия волонтер Юрий Лихота.** – *Вместе делали беспилотники для армии. Дима очень скромный, порядочный, справедливый человек. Наверно, там нужно было галочку поставить и отчитаться. Вот его и наказали. Все остальные могут или откупиться, или что-то сообразить. Дима не собирался ничего этого делать. Ничего не рассказывал даже друзьям. О том, что его посадили, мы узнали когда это все уже произошло. И вот теперь у нас лежат крылья для беспилотника. Их ждет армия. Но это*

никому не интересно. Дима не отказывался от службы, просто просил: «Дайте мне время закончить дела». 10 июня 2015 г. Дзержинский районный суд Харькова приговорил Явдошенко к двум годам лишения свободы. Без малого 70 дней парень провёл в СИЗО. – *Я вступил в дело, когда Дима был уже в тюрьме, –* говорит **адвокат Анатолий Тарасенко.** – *До этого лучшим советчиком моего подзащитного был прокурор, который и посадил его в тюрьму. Как случилось, что все друзья и знакомые Дмитрия узнали об этом потом? На это есть простой ответ: его обманули. Дмитрий делал все необходимое, чтобы со временем мобилизоваться. Военные же сфальсифицировали документы. Довели дело до суда. Дмитрия обманом заставили подписать бумагу – якобы трехстороннее соглашение между ним, прокуратурой и судом. Этого соглашения я лично не видел, его в материалах дела нет. Подписать документ уговорил прокурор. Сказал, что Дмитрия никто не собирается наказывать. Он подписывает бумагу, чем признает свою вину, и его отпускают. Дмитрий доверился прокурору как представителю государства. Самое главное – прокурор четко указал: «Ни с кем по данному поводу не общаться». Никто не должен знать, что происходит. Даже в суде упоминать о том, что он волонтер, помогающий армии, было запрещено. Мол, только так прокурор мог гарантировать свободу. Пока парень находился за решеткой, в его поддержку организовывались акции и пикеты. После громкого скандала дело перешло в Апелляционный суд, туда было направлено сразу три жалобы. Заседание состоялось 20 августа. Поддержать Диму пришли его друзья и близкие. – *Ваша честь, 10 июня человеку, который есть славою Украины, убили волю, –* сказал на суде адвокат Дмитрия Анатолий Тарасенко. – *Когда будете выносить решение, сделайте так, чтобы не только слава, но и воля была живой.* После совещательного перерыва судья вынес решение: Дмитрия Явдошенко освободить из-под стражи немедленно – под личные обязательства. – *Приговор районного суда, которым Явдошенко за уклонение от мобилизации был приговорен к двум годам лишения свободы, отменен, –* уточнила **пресс-секретарь прокурора Харьковской области Вита Дубовик.** – *Прокуратура подала апелляцию, поскольку были нарушены процессуальные права обвиняемого. Сейчас уголовное производство направлено на повторное рассмотрение.* Теперь дело будет рассматриваться снова. Адвокат Дмитрия верит в то, что суд в конце концов вынесет его подзащитному оправдательный приговор. Пока решается, когда будет назначено повторное рассмотрение дела, Дмитрий собирается закончить работу над беспилотниками, которые так и стояли незавершенными все это время» [10].*

«– Я была активной участницей Евромайдана, а когда началась война, стала волонтером, – говорит **киевлянка Леся Борсук.** – *Припасы на фронт возим с друзьями с весны прошлого года. Свой волонтерский микроавтобус мы в шутку прозвали «Пундыкомобиль» – по фамилии нашего водителя Владимира Пундыка. Порой ему приходится по 30 часов почти без сна проводить за рулем. –* Недавно нашу дружную волонтерскую команду покинула заводная девушка Ирина Базыкина – она пошла добровольцем в армию, – продолжает Леся Борсук. – *Офицеры из*

военкомата Дарницького району Києва зустрічали її з квітами, вель Ірочка стала першою жінкою, котра прийшла к ним як доброволець. Во время Революції достоїнства она много помогала врачам Майдана спасти раненых. Будучи волонтером, во время наших поездок в зону АТО Ирина задавала солдатам вопрос: «Что будете делать в случае ранения?» Оказывалось, многие бойцы не умеют пользоваться резиновыми жгутами, чтобы остановить кровотечение, обрабатывать раны... Эвакуировать раненого нужно так, чтобы свести к минимуму риск гибели пострадавшего и того, кто его спасает. Бойцы зачастую не знают, как это делать. Эти проблемы в их подготовке подтолкнули нашу подружку пойти в армию. Дома ее ждут четырехлетняя дочка, муж (он тоже волонтер, с пониманием отнесся к решению жены) и мама. Пока Ира была волонтером, она вывезла на фронт гору вещей из своего дома. Когда самой пришлось собираться в армию, оказалось, что взять с собой почти нечего. Но у нее же есть друзья — мы снарядили подружку как положено. Сейчас она проходит курс подготовки на полигоне в Ровенской области. Там 800 медиков, из них 15 девушек. Ира очень рада, что их хорошо обучают: одновременно как санитарных инструкторов и как бойцов. Например, девушкам уже пришлось посидеть под движущимися танками. Были тренировки, когда над условным полем боя стреляли боевыми патронами, чтобы медики не терялись, когда окажутся на реальной войне. — **Вам хватает денег, чтобы закупать все, что просят военные?** — С этим всегда проблемы. Но если есть цель, как правило, я ее достигаю. Звонят мне как-то бойцы одной из бригад: «Леся, нам нужен аккумулятор для грузовика ЗИЛ. Несколько солдат срочно отозвали из отпуска, их поезд отправляется с киевского вокзала через три часа. Можешь подвезти им аккумулятор?» Я не знала, где его взять, у меня не было денег на эту покупку. Но справилась. Кроме аккумулятора еще и два ящика сладостей на фронт передала. Для солдат я добрая фея, которая может достать для фронта все, что угодно. Однажды за пару дней до очередной поездки в зону АТО звонят бойцы: «Ребятам из соседнего подразделения нужны рации. Сможешь достать?» Стала стучаться во все двери и решила задачу. Люди чувствуют мое сильное желание помочь нашим военным и откликаются. Однажды один депутат Киевсовета вручил мне деньги на приобретение солдатских касок. Сумма была большая, поэтому я попросила, взять с меня расписку, записать паспортные данные. «Зачем, разве я не вижу, что ты за человек», — ответил он. Меня возмущает, что на втором году войны армейские службы снабжения не обеспечивают войска современными рациями, биноклями, тепловизорами. Выдают устаревшие, зачастую неисправные советские средства связи, которыми хорошо разве что орехи колоть. Качественную технику и оптику по-прежнему приходится закупать волонтерам. Под Саур-Могилой именно рации, которые мы передали бойцам, спасли жизнь целому подразделению 30-й бригады. Родственники солдат затем звонили мне: «Наши ребята говорят, не будь у них раций, они погибли бы». Мы тогда отремонтировали для 30-й бригады армейский УАЗик. Передавая его солдатам, положили в машину многое, что нужно на фронте, в том числе рации. Бойцы привезли наш подарок на передовую как раз тогда, когда

их побратимы попали в окружение в районе кургана Саур-Могила. Ночью окруженным доставили наши рации, боеприпасы, воду, еду. Подразделению с большим трудом удалось вырваться из кольца, выйти к нашим возле села Лутугино. Если бы в той ситуации они пользовались не рациями, а мобильными телефонами, противник засек бы сигнал. Командир Александр позвонил мне с радостной вестью: «Леся, мы прорвались, мы герои!» К сожалению, Саша был ранен осколками, один из которых застрял в области поясницы возле позвоночника. Александра нужно было срочно везти в госпиталь на операцию, но нашелся непутевый медик, заявивший: «На месте вытащим тебе осколок, вставим в задницу катетер — и садись на БМП, езжай на передовую». Воин после пережитого надеялся на слова поддержки, адекватную медицинскую помощь, а нарвался на черствость и грубость. Представляете, как это обидно! Александр таки добился, чтобы его отправили в госпиталь. Но эта история вызвала у бойца депрессию, он продолжительное время не хотел ни с кем общаться. На данный момент у него уже все благополучно. Когда он воевал на Саур-Могилах, его жена была беременна. Она благополучно родила мальчика. Думаю, появление на свет сына Степанчика помогло Саше оттаять душой. Знаю одного 30-летнего бойца, который из-за бессердечного отношения своего руководства попал в больницу в предынсультном состоянии. Солдат долгое время воевал на передовой без отпусков и ротаций. Вдруг из дома пришло известие о том, что его маленький сын серьезно заболел. Мужчина попросил разрешение поехать к ребенку. Начальство потребовало документально подтвердить факт болезни. Жена оформила соответствующую бумагу, переслала ее мужу в электронном виде — у того на передовой был доступ к Интернету. Боец позвонил начальству сообщить, что перешлет документ по электронной почте. «Нет, по факсу», — услышал в ответ. Где в окопе взять факс? Солдат пошел на отчаянный шаг — позвонил своему руководству и пригрозил, что если до утра ему не дадут отпуск, повесится. Только так удалось повлиять на бессердечных людей в погонах. Если бы он сказал, что застрелится, могли не отпустить — ведь смерть от пули можно оформить как боевую потерю. Солдат приехал домой — и тут у него прихватило сердце.

— Знаете, я одно время перестала ездить к бойцам, — продолжает Леся. — Ведь самый большой и сложный участок волонтерской работы здесь, в Киеве: раздобыть средства, найти, где купить качественное снаряжение, продовольствие, медикаменты по приемлемой стоимости... Когда я перестала появляться в подразделениях, бойцы стали звонить мне со словами: «Не надо нам никаких припасов — ты просто приезжай». Я ведь всегда появляюсь на фронте с улыбкой, с ободряющими словами и, что немаловажно, со всякими вкусностями. Экипаж одной из боевых машин пехоты называл себя смертниками. Ребята объясняли это тем, что у водителя и стрелка, которые сидят внутри БМП, вероятность погибнуть при попадании снаряда или ракеты самая большая. Эти парни, которым я помогаю, стали моими друзьями. Чтобы я могла их беречь и постоянно быть рядом, они назвали свою БМП «Леся». Сплю с мобильным телефоном под подушкой, ведь случается, что кому-то из бойцов очень нужно выговориться среди

ночи. Он звонит мне, и я терпеливо выслушиваю, ободряю. К сожалению, в нашей армии с психологической помощью бойцам дела обстоят плохо, хотя потребность в ней очень большая. Что говорить — даже мне самой из-за постоянных перегрузок и стрессов приходится время от времени обращаться к психологу. Но приезжая в АТО, не позволяю себе и вида подать, что мне бывает непросто. Далеко не у всех людей в тылу есть возможность пожертвовать деньгами для армии, но те, кто хочет помочь, находят возможность внести свою лепту. Известно, например, что у бойцов не хватает даже нижнего белья. Так женщины организуют бригады по его пошиву. Достают из шкафов запасы ситца, отдают пододеяльники, простыни, из всего этого шьют. Привожу солдатам кипу трусов с розочками, попугайчиками, цветочками... Ребята меряют все это с шутками и прибаутками, фотографируются и отправляют веселые снимки своим женам или девушкам. А какие заготовки для борща женщины готовят для бойцов! Овощи высушивают, расфасовываются в строгой пропорции по пакетам. Каждый рассчитан на 10 литров борща. За 10–15 минут домашнее первое блюдо готово.

— Вам помогает украинская диаспора? — Еще как! Средства поступают практически из всех стран Европы, из США, Канады (в Монреале, например, есть волонтерская сотня). Я мало что знаю о таком государстве, как Парагвай. Живущие там украинцы жертвуют деньги на нужды нашей армии. Сегодня вечером поеду в аэропорт Борисполь встречать пожилую женщину из Монреаля, которая везет два классных бинокля от волонтерской сотни своего города. Их отправим под Горловку. — Как вам удается «отправляться» у своих родных в поездки в АТО? — Мужу и сыну говорю: я ни на секунду не забываю, что они у меня есть, что нужна им, поэтому должна вернуться живой. Мы договорились: когда я в поездке в АТО, они мне не звонят — чтобы не выводить из равновесия своими переживаниями. Мои родные знают, что при первой же возможности я сама с ними свяжусь. — У вас есть обереги? — Прежде всего это осознание, что близкие люди желают мне добра. Еще есть несколько дорогих мне вещей: брошка в виде сине-желтой ласточки, подаренная бойцом на передовой, кулон в форме трезубца — презент ребят, воевавших под Дебальцево и на других фронтах. И еще сине-желтый браслетик. Его сплела девушка с Луганщины — из Старобельска, она из кружка патриотов Украины, который организовался в этом городе. Важно понимать, что в том регионе много таких, как она. Мы познакомились с семьей фермеров-азербайджанцев, живущих в одном из сел, были у них в гостях. Эти люди помогают украинской армии. Они переехали на Донбасс еще 1980-х годах, до войны у них было большое фермерское хозяйство. Их село одно время было под сепаратистами, и те угрожали фермерам расправой за политические взгляды. Но семья твердо стоит на том, что Донбасс — это Украина. В одной из недавних поездок в зону АТО мне довелось познакомиться с солдатом, который встретил свою любовь на войне — девушку из местных. Обстановка там сейчас такая, что пышную свадьбу не устроишь, поэтому пара просто расписалась. Молодожены шутят, что их дети будут донбасскими бандеровцами. Ради огромного количества людей этого региона, ко-

торые остаются преданными Украине, мы не имеем права отдать врагу Донбасс» [11].

«Волонтерская группа вместе с писателем Сергеем Жаданом и музыкантом Евгением Турчиновым в очередной раз съездила в зону АТО, побывала на передовой в Луганской области и передала теплые вещи, продукты питания, лекарства, медицинское оборудование, собранные в том числе сотрудниками «ФАКТОВ», больницам и вынужденным переселенцам. «Война не закончилась, — говорит поэт и писатель Сергей Жадан. — По-прежнему нашим бойцам и жителям, остающимся в зоне АТО, нужны помощь и поддержка. Об этом нельзя забывать до тех пор, пока не наступит мир». Вместо того чтобы принимать подарки и слушать тосты, в день своего рождения Сергей и его группа «Собаки в космосе» выступили с концертом в Харькове, призывая фанатов делать денежные пожертвования. Рано утром на следующий день Сергей, гитарист Евгений Турчинов вместе с журналистом «ФАКТОВ» и волонтерами, помогавшими собрать все необходимое для бойцов, находящихся в зоне АТО, переселенцев и бойцов, отправились в Луганскую область. Гитариста Евгения Турчинова узнавали во всех подразделениях. Несколько лет назад он в составе группы «Дети капитана Гранта» участвовал в популярном проекте телеканала СТБ «X-фактор». А в третьем танковом батальоне, который находится неподалеку от Попасной, как оказалось, служит муж одноклассницы Евгения. Встреча в зоне боевых действий для обоих мужчин стала неожиданной. — Ваш приезд для всех нас очень важен, — такими словами нас приветствовал командир третьего танкового батальона «Зверобой» полковник Петр Скиба. — Мое подразделение находится в зоне ведения боевых действий уже десять месяцев. Почти полгода мы воевали под Донецким аэропортом, участвовали в тяжелых боях. Есть у нас потери... Хлопцы стали и морально, и физически. А тут — глоток свежего воздуха. Стихи, песни, свежие газеты, книги. Это не менее важно, чем еда и боеприпасы. Газету «ФАКТЫ», которую мы традиционно везем с собой, бойцы начинают читать сразу. В этот раз книги на украинском языке передал Иван Лопатченко, представитель издательства «Клуб сімейного дозвілля». «Когда появляется время, танкисты хотят почитать, спрашивают меня, есть ли свежая пресса, книги, — рассказывает жена комбата Маричка, которая постоянно находится рядом с супругом на линии огня. — Так что привозите нам литературу еще. Пополняйте нашу крохотную библиотеку». В украинских книгах нуждаются и жители городов, оказавшихся в зоне АТО. Об этом нам говорили и в Сватово, и в Старобельске. Поэтому инициатива культурного объединения «Остання барикада» провести всеукраинскую акцию «Наша сила — в единстве» и собрать произведения литературы для восточных регионов страны более чем актуальна. Издательства «Смолоскип» и «Meridian Czernowitz» уже обязались предоставить украиноязычные книги. Новые и старые книги, но в хорошем состоянии, можно приносить в точки сбора в Киеве по адресам: улица Межигорская, 21; Воздухофлотский проспект, 36, офис 67; улица Спасская, 31б, офис 302. Мы передадим их в библиотеки и военные части во время следующих поездок.

...Танкісти базуються в невеликому селі, в якому з місцевих жителів залишився тільки один старенький дідусь. Бійці його підкармливають, інакше б пропав. Хати ветхі, покосившіся. Огороди «смотрять» в сторону Дебальцево. Туда жє развернуты и орудия танков. Как нам объяснили, это боевая позиция танкового батальона. В любой момент бойцы готовы принять бой или пойти в атаку.

— *В последние перед годовщиной независимости Украины дни враг активизировался*, — говорит Петр Скиба. — *По ночам нас стали плотно обстреливать из крупнокалиберных орудий, отдыхать невозможно, да и воронки мы находим все ближе к нашему расположению...* Глядя в высокое синее небо, невозможно представить, что в любой момент его могут пропахать снаряды. Но здесь это происходит регулярно... Загорелый до черноты танкист приносит мне темно-синий виноград. Кажется, я еще никогда не ела таких вкусных ягод. Так же, как и арбузов, выращенных неподалеку от Старобельска, которыми нас угостили местные жители. Какие же они сочные и сладкие!

— *На Луганщине земля очень плодородная*, — говорит Сергей Жадан, уроженец здешних мест. — *Растет все, что ни посади. Во время Второй мировой войны немцы не только из Полтавской области вывозили чернозем, но и отсюда уходили эшелоны с украинской землей.*

Артиллеристы 44-го дивизиона, с которыми наша газета и Сергей Жадан подружились уже давно, встречали нас пловом и тортом, названным мной «Солдатский тирамису»: поломанное печенье выкладывается слоями, каждый заливается сгущенкой, куда добавляют еще и кусочки бананов с яблоками. Один из бойцов, дядя Юра, увидев гитару, попросил позволить ему сыграть и спеть. И исполнил... романс на стихи Марины Цветаевой «Мой милый, что тебе я сделала?» Напоследок ребята попросили нашего музыканта спеть им песню группы «Гражданская оборона» «Пора домой». И подпевая, выкрикивали эти слова с особым чувством. Большинство военнослужащих подразделения, командира которого российское телевидение называет «главным карателем», со дня на день должны демобилизоваться. Но пополнения все еще нет. Поэтому многие уже «переслуживают». Именно для артиллеристов мы привезли маскировочную сетку, сплетенную киевлянами во время флешмоба на Михайловской площади в столице накануне Дня независимости. Она вошла в Книгу рекордов Украины как самая большая. Когда ее разложили на брусчатке перед собором, сетка заняла почти всю площадь. Ее размер — 500 квадратных метров. И состояла она из 15 сегментов, которые и передали разным батальонам и военным частям, включая 44-й артиллерийский дивизион. По минским договоренностям, подразделение отведено от линии огня. Но в любой момент оно готово вернуться на позиции. Поэтому сетки, которые могут «спрятать» тяжелые машины, пушки, гаубицы, а также оптика очень нужны нашим защитникам. — *Приезжайте еще*, — прощаясь, говорили бойцы. — *За годы службы, кроме вас, никто из музыкантов и писателей здесь больше не бывал. Только волонтеры, которые нас поддерживают.* Весь следующий день мы провели, передавая вынужденным переселенцам и больницам лекар-

ства, мебель, бытовую технику, теплую одежду и игрушки. Большую часть перечисленного собрали сотрудники нашей редакции. — *Я работала кассиром на железнодорожной станции в Попасной*, — рассказала нам многодетная мама Надежда. — *Мы с мужем, детьми и моей мамой уехали из родного города зимой, когда обстрелы стали ежедневными. Попасную бомбят до сих пор. Наша квартира пострадала очень сильно. Даже если бы сейчас все прекратилось, вернуться туда мы бы не смогли...* У Надежды и ее мужа пятеро детей. Старшим — близнецам сыну и дочке — 18 лет. Младшему Богданчику четыре года. София пошла в первый класс. Ее обрадовал красивый розовый рюкзак, в который сотрудница «ФАКТОВ» положила и пенал, и альбомы, и тетради. В общем, все, что может понадобиться первоклашке. Еще одна дочка супругов учится в третьем классе. — *Дом, который нам сдала жительница города Сватово, пустовал 26 лет*, — объясняет Надежда. — *В нем из мебели были только две кровати. Уезжая из Попасной, мы взяли с собой лишь документы и минимум вещей для младших детей. Спасибо людям, что всем обеспечили. Муж провёл в дом воду, но стирала я с помощью допотопной металлической доски, от этого левая рука опухла. Ваш подарок — стиральная машина — для нас просто таки царский.*

Старших детей Надежды мы дома не застали. В тот день они занимались переоформлением документов. — *Дочка училась в училище в Первомайске, который сейчас находится под властью так называемой «Луганской народной республики»*, — продолжает многодетная мама. — *Оттуда звонили, предлагали продолжить образование. Но дочь должна получить нормальный диплом. Вот и переводится. Сын хотел стать военным. Поступал в училище, но не добрал один балл. Решил получить образование юриста. Также будет учиться в Рубежном. Мы живем за счет пособий на детей и пенсии мужа — он получил травму на производстве, работая монтажником газопровода.* Видно, что семья работающая. Двор приведен в порядок, огород засажен огурцами-помидорами, картошкой и капустой. В небольших комнатах, плотную уставленных кроватями, чисто. Полы застелены дорожками, и на них нет ни соринки. — *Хозяйка, у которой сняли это жилье, сказала, что мы можем оставаться здесь до мая, а затем она хочет продать дом*, — говорит Надежда. — *Но сейчас нас с мужем беспокоит другая проблема: идет зима, а дров нет. В прошлом году собирали даже веточки на улицах, ведь комнаты нужно было обогреть, чтобы дети не болели.* Первый заместитель, исполняющий обязанности главы Сватовской районной госадминистрации Луганской области Владимир Озеров, который вместе с нами приехал в семью, внимательно выслушал все пожелания Надежды. Надемся, с дровами многодетным родителям помогут. А теплые вещи, обувь, игрушки для детей мама сможет выбрать в организованном в городе «Банке теплых вещей». Еще одной многодетной семье из Попасной, в которой не так давно на свет появилась дочка, мы привезли из столицы кровать. Передали для переселенцев и четыре взрослые кровати, ванночку для малыша, еще одну стиральную машину, не говоря уже о детских вещах, игрушках и канцтоварах. На самом деле, помогать тем, кто

оказался в сложных жизненных обстоятельствах, просто. Особенно, если объединить усилия. Сватовская районная больница получила месячный запас медикаментов, переданных киевским Институтом сердца, подгузники для взрослых и аппараты для измерения кислорода в крови — пульсоксиметры, которые закупила волонтерская организация «Украинские химики». Привезли мы и расходные материалы для детской реанимации. А вот больница Старобельска в первую очередь просила продукты питания: муку, растительное масло, крупы и консервы, овощи. — После того как из города вывели батальон «Айдар», полгода обеспечивавший лечебное учреждение продуктами, стало тяжело, — говорит **начмед Старобельской районной больницы Сергей Гусаков**. — Мы благодарны за любую помощь. Обрадовались врачи и хирургическому шовному материалу, гипсовочным бинтам, а также постельному белью и теплым одеялам. — В данный момент у нас находятся трое раненых бойцов, — рассказывает Сергей Вячеславович. — Но были времена, когда пострадавших с поля боя привозили так много, что солдаты лежали даже во дворе больницы. На днях мы столкнулись со страшной ситуацией. К нам доставили подростка, который нашел снаряд — а их в окрестностях хватает — и в гараже отца решил его разобрать... Мальчик лишился руки и глаза. Его тело посекали осколки, он потерял много крови, состояние было очень тяжелым. Сейчас уже жизни парня ничто не угрожает. Но реабилитация займет много времени. И в первую очередь понадобится психологическое восстановление. Доктор показывает снимки пациента, сделанные камерой мобильного телефона. Увиденное потрясает даже видавших виды мужчин, которые приехали вместе с нами. Мы понимаем: время от времени подобные страшные взрывы будут греметь в этом регионе, даже когда война закончится. Эта плодородная земля густо засеяна смертоносными минами и снарядами...» [12].

«При отсутствии общегосударственной целевой идеологической политики по поддержке Донбассовского региона этот пробел заполняют волонтеры. И среди них настойчивостью отличаются активисты Благотворительного Фонда содействия инициативам газеты «День», которые осуществляют постоянные гуманитарно-художественные рейды на украинские территории Донецкой и Луганской областей. Недавно украинские музыканты, художники, волонтеры осуществили поездку на Луганщину. Кроме Благотворительного Фонда содействия инициативам газеты «День» ее поддержали ОО «Международная инициатива по поддержке Украины», Фонд Мошенского, «Благодійний Фонд Святої Покрови». Особая благодарность предпринимателю-меценату, активисту БФ содействия инициативам газеты «День» Александру Юркову. Такие события чрезвычайно важны и с политической, и с культурной, и с социальной точки зрения, ведь мы понимаем, что Россия как страна-агрессор не оставляет планов по разрушению Украины. С разной силой изменяются лишь методы — от военного до пропагандистского и наоборот. В городах Луганщины — Новошкове, Старобельске, Беловодске, Сватово — выступили заслуженный артист Украины Анатолий Костенко, Василий Панченко, Сергей Файфура и музыкальные группы «Очеретяний Кім» и

«Друже Музико». Вела мероприятие Ольга Банитюк. Под музыку новой звезды YouTube (клип «Бандера» С. Файфуры набрал более 540 000 просмотров на момент написания статьи) местные жители танцевали, а после выступления подходили, чтобы сфотографироваться и взять автограф. «Друже музико» выступали с патриотическим роком, завершая каждую песню лозунгом «Слава Україні!», и хотя зрители не всегда активно отвечали «Героям Слава!», однако активно поднимали украинские флаги, брали украинскую символику, аплодировали патриотическим словам и песням музыкантов. В конце концерта выступил французский психолог, основатель ОО Smile for Ukraine Николая Такусель, который передал слова поддержки украинскому народу от французов. Также мы познакомили Николая с местной общественной организацией «Центр підтримки громади» и они договорились о дальнейшем сотрудничестве.

Перед началом творческих встреч собравшиеся могли посмотреть и приобрести книги из серии исторической литературы «Дня» — «Силу м'якого знака», «Підривну літературу», «Броньбійну публіцистику», «Україну Incognita. TOP-25», а также книжную продукцию от издательств «Букрек», «Саммит-книга», киевских библиотек и отдельных людей, в частности, этнографа Алексея Доли. На основе книг из Библиотеки газеты «День» были сформированы подарочные наборы для управлений культуры, образований, районных и Луганской областной администраций, также эту литературу и экземпляры «Дня» все желающие могли получить за пожертвования для украинской армии. Кстати — в Новошкове подобных пожертвований от местных жителей было собрано 1380 грн, а в Старобельске — почти 2000, активность проявляли и в других городах. Поток людей не прекращался, книги расходились очень быстро. Это свидетельствует об информационном голоде в регионе и о потребности в новой качественной литературе всех направлений. Общее впечатление таково, что Луганщина — проукраинский регион, и ни одна путинская пропаганда никогда здесь не приживется. Проблема в другом — за последние годы в этом регионе мало заметны изменения: дороги ужасные, экономического развития не видно, при власти осталось много бывших регионалов. Необходима смена местных элит, правильная информационная политика, ведь почему из украинских каналов здесь только «Интер» (судя по телевидению в пансионате, где мы останавливались)? Если правильно действовать, поддерживать местные инициативы на востоке, делать больше таких просветительно-художественных туров — ситуация изменится. Росийскую пропаганду нужно преодолевать и правдой, и улыбкой, и пренебрежением. Для преодоления информационного вакуума мы будем совершать такие поездки и в дальнейшем. Ведь один местный активист нам сказал: «Ваш приезд — это дополнительные 5% общественного мнения в пользу цивилизованной Украины». Суть этих просветительно-художественных десантов в четком осознании того, что мы делаем общее дело и едины в нашем патриотизме, несмотря на возраст, образование, происхождение или язык общения. Как объединяюще звучит в одном из приветствий группы «Друже Музико»: «Будь з нами! Будь українцем!» [13].

«Активісти створили ресурс на початку 2014 року. У «скарбничці» проекту вже є два ґрунтовні

розслідування щодо катастрофи «Боїнга-777», збитого у небі над Донеччиною, колосальні бази даних російських підрозділів, які воюють в Україні, і навіть таблиці з шевронами військовослужбовців РФ. Матеріали сайта загалом виходять на 22 мовах! Водночас InformNapalm (українською – «ІнформНапалм») – суто волонтерський проект. За словами засновника, журналіста Романа Бурка, першими до команди долучилися волонтери з Криму та Грузії, потім приєдналися жителі окупованого Донбасу, вільної частини України та інших країн світу. Хтось у команді InformNapalm майже цілодобово займається OSINT-розслідуваннями (термін «OSINT» розшифровується як Open Source Intelligence, у перекладі з англійської – «розвідка відкритих джерел інформації». – Авт.), хтось перекладає по п'ять годин на добу, хтось репостить новини у соцмережах. Кожен волонтер витрачає на ресурс стільки часу та сил, скільки вважає за потрібне. Деякі OSINT-розслідувачі, задіяні у проекті, є давно відомими експертами – наприклад, Іраклій Комахідзе з Грузії, Антон Павлушко з Німеччини, Аль Грі з Ізраїлю та інші. Усі волонтери познайомилися завдяки Інтернету, і мережа, власне, є головним простором для їхньої роботи. Роман Бурко розповів «Дню» про те, скільки і яких російських арміїців воює в Україні і чому окупанти обожають самі себе видавати.

– **Українські медіа часто згадують про присутність російських військ на Донбасі. Але кажуть про це доволі абстрактно. Які реальні масштаби присутності військових РФ?** – Ми понад рік працюємо над цією проблемою та шукаємо способів, як спонукати українські медіа більш детально вивчати факти ведення Росією неоголошеної війни на Донбасі. ЗМІ звикли до риторики та абстрактних коментарів політиків і можновладців. Чомусь зазвичай достатньо гучних заяв про «десятки тисяч російських військових на Донбасі», але мало хто може обґрунтовано назвати конкретні підрозділи Збройних сил РФ, що діють в Україні. Спочатку ми сподівалися, що відповіді на це можуть дати спецслужби, але що більше поринали в аналітику та заводили знайомства у силових структурах, то більше розуміли, що і ці органи не мають системного підходу. Наприкінці серпня цього року ми представили власну спробу систематизації російської військової присутності на Донбасі. Якщо я почну перераховувати всі підрозділи ЗС РФ, кадрових бійців яких виявили на Донбасі протягом року, це буде дуже довго, тому раджу просто власноруч проаналізувати інциденти, зібрані на нашому ресурсі InformNapalm.org. Наразі у нашій базі даних 116 випадків, у яких зафіксовано 61 військову частину РФ з конкретними найменуваннями бригад, батальйонів, дивізій та центрів. Також склали таблицю з місцями фіксації військовослужбовців, підрозділів або техніки, періодом їхнього перебування в Україні. У таблиці вказані рід військ та завдання, які виконує той чи той підрозділ. Для наочності на інфографіці за матеріалами бази даних ми провели так звані криві Без'є від постійного місця дислокації виявлених об'єктів до їхнього місця перебування на окупованій території України. Хочу наголосити: кількість військ – тобто, живої сили противника та техніки – є сенс рахувати лише тоді, коли вам треба знати конкретне число набоїв та площу для поховання вбитих ворогів. Зараз ми не

ведемо активних наступальних дій, та й гучними заявами, які не мають підґрунтя, навряд чи можна когось привернути на свій бік – маю на увазі світове співтовариство та західних політиків. Тому треба від німих показників загальної кількості ворожих військ переходити до вивчення їхньої якості, що ми й спробували зробити у власному дослідженні. Унікальність цієї роботи у тому, що вона ґрунтується на розвідці відкритих джерел противника, тобто ми вивчаємо матеріал, який самі російські пропагандисти, військові та випадкові спостерігачі розміщують в Інтернеті. – **Які конкретно російські військові підрозділи присутні в Україні? Як змінюється їхня кількість протягом конфлікту?** – Коли ми кажемо про конкретні підрозділи, потрібно розуміти, що вони зазвичай є зведеними у ротні та батальйонно-тактичні групи. До складу груп можуть входити бійці з різних підрозділів, зокрема, нами фіксувались випадки, коли групи були змішані з найманцями, а кадрові російські військові виступали в ролі снайперів, фахівців-інструкторів, розвідників, офіцерів зв'язку, операторів складних систем та комплексів російського озброєння тощо. Наприклад, у червні 2015 ми виявили снайперів 19-ї окремої мотострілецької бригади Збройних сил РФ, які були прикомандировані до незаконного збройного формування «Сомалі». Також неодноразово у лавах НЗФ «ДНР» та «ЛНР» фіксували кадрових військових із 33-ї, 18-ї та 8-ї ОМСБр, 7-ї військової бази РФ, військовослужбовців частин повітряно-десантних військ та частин спеціального призначення Головного розвідувального управління Генштабу РФ. Що ж до того, як змінюється їхня кількість, дати однозначну відповідь складно. Ключова кількість військ перебуває у тимчасових тренувальних таборах уздовж неконтрольованих ділянок кордону та час від часу здійснює рейди в глиб української території. – **Який ефект від даних, що ви збираєте?** – Спектр використання нашої інформації широкий. Ми оприлюднюємо далеко не всі зібрані нами матеріали, частину передаємо у розробку довіреним офіцерам у різних силових структурах. Ефективність використання інформації, звісно, залишає бажати кращого, бо Мінські угоди накладають свій відбиток. Наприклад, у період активних бойових дій ми концентрувались на зборі координат розташування бойовиків та угруповань незаконних збройних формувань, шукали скупчення техніки та передавали дані військовим, дізнавались від інсайдерів з окупованих територій мобільні номери телефонів бойовиків та передавали цю інформацію офіцерам СБУ. Під час роботи, коли це можливо, намагаємося отримати відгук щодо відпрацювання інформації, у 60% випадків ми його отримуємо, але вся взаємодія налагоджена горизонтально, на офіційному рівні цього зробити неможливо, бо державна система і її силові блоки зокрема дуже бюрократизовані та неповороткі. – **Що вважаєте головним результатом своєї роботи на цей час?** – Особисто для мене головним показником дієвості InformNapalm є постійне розширення наших можливостей через приєднання до спільноти нових людей: фахівців з розробки відео, графіки, перекладачів та розслідувальників. За повної відсутності фінансування та допомоги від держави або

грантодавців ми реалізуємо проекти, які і на високому рівні виглядають якісними. Наприклад, наші розслідування щодо катастрофи рейсу МН17 дали важливий пласт інформації про перекидання військовослужбовцями військової частини 83466, 147 авіомобільного батальйону матеріального забезпечення РФ, колони зенітного ракетного комплексу «Бук» до українського кордону. Перекидання здійснили рівно за 14 діб до трагедії із МН17. Це розслідування провів волонтер команди з позивним «Віталій», який постійно перебуває на окупованій території. Друге розслідування InformNapalm по темі «Боїнга-777» стосувалося тягача Volvo, який перевозив ЗРК «Бук» територією, контролюваною бойовиками. Фотографія даного тягача як речовий доказ фігурує у звітах міжнародної слідчої групи. Волонтери спільноти визначили точне місце розташування бази техніки бойовиків, на якій цей авто тягач помітили у жовтні, за кілька місяців після трагедії. Це – місто Сніжне, неподалік від шахти «Ударник», на території під контролем бойовиків. Місцем падіння уламків «Боїнга» був район Шахтарська, а це близько 20 кілометрів від Сніжного, де і зафіксовано появу тягача Volvo. Це розслідування провів волонтер з позивним «Вікторія», вона теж мешкає у східній частині України та встигла сама оцінити жахи «руссаго мира» під час окупації її міста Краматорська російськими найманцями. Мене особисто тишить, що команда InformNapalm на власному прикладі демонструє, що патріоти України живуть усюди: і на Донбасі, і у Криму є багато людей, які самовіддано працюють заради спільної перемоги над ворогом. Ще одним великим досягненням проекту можна вважати те, що нашу інформацію помічають та включають у звіти закордонні експерти, які стежать за перебігом подій на сході України. Наприклад, один з недавніх звітів американської недержавної організації Atlantic Council (українською – «Атлантична Рада») «Ховаючись у всіх на очах», присвячений російській агресії в Україні, офіційно переклали на російську та українську мови саме волонтери нашої спільноти, про що згадано на сторінках самої доповіді. Також у цьому звіті були використані і матеріали InformNapalm. – **Ви збираєте докази присутності російських військових в Україні, зокрема, у соцмережах. Як російські вояки видають себе?** – Соцмережі – дуже корисний інструмент для ведення OSINT-розслідувань. Там знаходимо беззаперечні фото- та відеодокази. Сучасне покоління російських контрактників та офіцерів виросло на «Однокласниках» та «ВКонтакте», вони звикли ділитися своїми враженнями з друзями з підліткового віку. І на військовій службі вони не залишили звички хизуватися на публіку. Цьому сприяє пропагандистська істерія, яка накручує культ «ввічливих людей». Більшість бажає бути частиною цього культу. Кожного разу, коли російські військові пишуть коментарі, перевіряють свої прізвища в українських волонтерських базах даних, розмішують власні фото з геотегами та потрапляють у кадр російських пропагандистських каналів – вони потрапляють і у поле нашої уваги. Я навіть не приховую методику наших розслідувань. Понад рік матеріали для наших розслідувань не згасають, бо жодні заборони ФСБ, жодні попередження з боку контролюючих органів не здатні зупинити спрагу

військових РФ бути частиною «культу ввічливих людей». Це – психічна хвороба нового рівня, яку ми використовуємо, щоб донести правду про війну на сході України і її учасників. – **Як «допомагають» у роботі російські ЗМІ?** – Майже кожен їхній пропагандистський сюжет містить цікаву інформацію. Інколи у відео потрапляють зразки озброєння, якого в Україні ніколи не було, інколи по сюжетах можна ідентифікувати місце знаходження незаконного збройного формування, тактичну символіку, спрогнозувати дії бойовиків з їхніх випадкових фраз у сюжетах. Повністю приховати інформацію майже неможливо, завжди виявиться факт, непримітний журналісту, який стає знахідкою для нашого спостерігача. – **Хто становить вашу аудиторію? Яка цікавість до ресурсу іноземних медіа?** – Волонтери спільноти не раз проводили консультативні зустрічі з представниками різних організацій та дипломатами різних країн. Ділилися інформацією про перебіг воєнного конфлікту і факти російської агресії в Україні. Також ми постійно фіксуємо інтерес до наших публікацій і розслідувань закордонних державних структур. Із аналізу IP-адрес відвідувачів сайта відомо, що його читають у Держдепартаменті США, в урядових структурах Швеції, Німеччини, Франції, Болгарії, Нідерландів, Канади, Словаччини, Естонії, Грузії, Латвії, у структурах НАТО. Час від часу ми знаходимо посилання на роботу проекту і в західних ЗМІ, зокрема у The Guardian, BBC та інших. Реноме проекту постійно зростає, але це не такий швидкий процес – Захід повільно та обережно сприймає нові ініціативи. Оскільки наш проект створений тільки 2014 року, він не має офіційних представництв та не належить до жодної офіційної організації, можна вважати великим досягненням, що на нашу роботу звертають увагу не лише через моніторинг нашої інформації, а й у відповідних заявах. Наприклад, російський опозиційний політик, голова політичної партії «Западный Выбор» Костянтин Боровой недавно в інтерв'ю розкритикував програму, пов'язану з грантом від посольства США журналістам країн Балтії для протидії російській пропаганді. Водночас він звернув увагу на роботу проекту InformNapalm, поставив його у приклад як ресурс аналітиків та криміналістів, що виявляють та досліджують факти російської агресії. – **Яка реакція представників Росії на матеріали InformNapalm?** – Вони намагаються на офіційному рівні не привертати уваги до роботи нашого проекту, бо кілька разів уже обпалилися на цьому. Ще торік був сюжет, здається, на каналі «Россия 24», в якому вони спробували виставити розслідування нашого експерта Іраклія Комахідзе щодо 138-ї окремої гвардійської мотострілкової бригади як дезінформацію. Але на «России 24» не змогли сперечатися з фактами і перевели все у риторику без конкретного підґрунтя. Із часом участь військовослужбовців цієї бригади в авантурі Кремля підтвердили нові розслідування нашої спільноти. Після цього було тривале затишшя, яке російські ЗМІ перервали спробами дискредитації нашого ресурсу – спробували прив'язати його до українських спецслужб. Але це сприяло ще більшій зацікавленості проектом та привело до нас нових волонтерів, які жартують між собою, що вони тепер «агенти Держдепу» та «розвідники

НАТО». Також ми постійно відбиваємо потужні хакерські атаки з території Росії та отримуємо погрози фізичного знищення. — **Скільки мовами працює ваш ресурс?** — Крім російської, проект давно доступний українською, білоруською, болгарською, польською, німецькою, англійською, іспанською та французькою мовами. Цими мовами періодичність перекладу достатньо висока, також є версії з меншою частотою оновлень. Це — варіанти чеською, словацькою, турецькою, португальською, нідерландською, грузинською, литовською, угорською, італійською, китайською та японською мовами. Нещодавно до нас приєднались волонтери, які почали переклади азербайджанською та шведською мовами. Таким чином зараз ми маємо 22 мовні версії сайту з різною періодичністю публікацій. Оскільки все побудовано на волонтерських засадах і у нас немає постійної редакції, активність тої чи тої мовної версії залежить від самих перекладачів. Кожен переклад робиться живою людиною — носієм мови, а не за допомогою машинного способу мультимовної локалізації сайтів. Для нас важливо налагодження взаємодії між ініціативними людьми по всьому світу, які не тільки стежать за подіями в Україні, а й можуть робити правильні месиджі своєму оточенню, щоб допомогти загалу зрозуміти, що насправді відбувається на українському фронті і на інших фронтах світу, де задіяні російські спецслужби, п'ята колони Москва та російські окупаційні війська. — **Чим ще займається команда InformNapalm, крім збирання інформації про російські війська в Україні?** — У нас немає жодних обмежень, ми діємо точково та ініціативно. Коли отримуємо інформацію від інсайдерів про можливий наступ ворожих військ або провокації з обстрілами та терактами, намагаємось попереджати про ці дії та прораховувати ефекти від поширення цієї інформації відкритими та адресними каналами. За необхідності працюємо не лише як журналісти-волонтери, а й як дослідники. Нам важливо допомогти Україні подолати ворожу агресію і водночас залишитися об'єктивними спостерігачами з власним тверезим баченням ситуації» [14].

«В українських СМІ все чаще погибшие в сегодняшней войне, к сожалению, превращаются в статистику. «День» еще с появлением первых погибших героев начал свою серию публикаций «Они погибли за нас», где рассказывается о победе героев, которые ценой собственной жизни защищают Украину. Эту инициативу несколько месяцев назад подхватил еще один проект, который подтверждает, что погибшие, — не статистика. Сайт «Книга памяти павших за Украину» создал общественный деятель Максим Попов при поддержке Национального военно-исторического музея и еженедельника «Именем закона». А команда небезразличных активистов в составе Ярослава Тинченко, Германа Шоповаленко и Сергея Коваленко постоянно работает над дополнением книги. Хотя всем, конечно, хотелось бы, чтобы с каждой новой историей это была последняя страница. Сама «книга» содержит информацию о героях — короткую биографию бойцов, данные об их службе и обстоятельствах гибели. Здесь собраны все — от представителей Вооруженных сил Украины, Нацгвардии, Государственной

пограничной службы, Службы безопасности Украины, Министерства внутренних дел до территориальных батальонов и других ведомств. В проекте также с помощью диаграмм представлена информация о подразделениях и военных званиях погибших воинов — по месяцам войны, по возрасту, по месту рождения. Кроме этого, приведена статистика посмертных наградений. «Мы создали базу данных погибших, собрав фотографии, чтобы в печатном виде сделать баннеры и книжки памяти, — рассказывает «Дню» заместитель директора Национального военно-исторического музея Украины по научной работе Ярослав Тинченко. — И когда оказалось, что таких фотографий уже тысячи, возникла идея создания отдельного сайта, на который бы можно было выкладывать эту информацию. И тогда Максим Попов, который на собственном энтузиазме начал создавать интернет-ресурс, обратился к нам за информацией. Интересы совпали, так и появилась «Книга памяти павших за Украину».

По словам пана Тинченко, он собирал информацию о погибших, начиная с мая 2014 года. В музей поступала информация не только та, которая есть в открытом доступе, но и такая, которую можно публиковать только после проработки, то есть изъятия персональных данных о родственниках погибшего, домашнего адреса, идентификационного кода. «Для того чтобы проводить такую работу, желательно иметь опыт в информационной сфере, чтобы знать, какая информация не подпадает под Закон о государственной тайне и Закон о защите персональных данных, — советует Ярослав Тинченко. — Я до этого пятнадцать лет сотрудничал с Государственным архивом Службы безопасности Украины в сфере исследования архивно-следственных дел исторического характера. И из собственного опыта знаю, какую информацию можно обнародовать, а которую не следует». Относительно достоверности данных о количестве погибших бойцов в ходе АТО в разных источниках Ярослав Тинченко утверждает: «Проблема заключается в том, что нет единого официального реестра погибших бойцов АТО. Потому что Министерство внутренних дел, Национальная гвардия, Вооруженные силы Украины — все они имеют свои базы данных по количеству погибших, в тех реестрах есть недочеты, которые связаны с законодательной базой. Например, Вооруженные силы Украины ведут текущий реестр погибших. Когда сегодня утром погибнут одни бойцы, то в завтрашних отчетах они будут. Но если исчезнут без вести, как это было под Иловайском, когда у нас о десятках людей не было ничего известно, их потом в официальный реестр Вооруженных сил Украины не добавляют. Это не потому, что хотят что-то скрыть, а из-за несовершенства законодательной системы. Потому в результате можно слышать разные цифры в разных источниках». Состоянием на сегодня, составители Книги памяти проработали 2430 имен людей, которые погибли до 5 июля 2015 года. Но вскоре этот список пополнится почти сотней имен погибших после завершения экспертизы ДНК. В основном это павшие бойцы под Иловайском, в Донецком аэропорту и Дебальцево. Проект предусматривает обновление информации. Всех небезразличных, кто хочет опубликовать свои воспоминания или предоставить

определенную информацию, прибавить или поменять фотографии, внести коррективы в существующие данные, основатели проекта просят писать на электронную почту» [15].

«З Юрієм Касьяновим ми спілкувалися в його офісі, що нагадує напівсклад. Все тут говорить про те, що волонтерська робота не знає вихідних. Як, власне, не знає їх і війна. Юрій стояв біля витоків волонтерського руху у той час, коли перед Україною ребром постали питання і випробування, які держава сама розв'язати не могла. Саме тоді країні своє плече підставили волонтери і добровольці, ставши символом надії не тільки на перемогу, але й на формування якісно нового суспільства, яке можна буде з упевненістю назвати громадянським.

— **Юрію, прийнято вважати, що війна нас застала зненацька й українська армія не була до неї готова. Чому так сталося?** — Я сам людина військова. Закінчив Київське авіаційне училище, яке вважалося одним із кращих вишів у країні. Потім я потрапив до Білорусі й там служив до 2000 року, після чого повернувся в Україну. Треба визнати, що білоруська армія тоді перебувала у набагато кращому стані, ніж наша. Це я зрозумів уже потім. У Криму ми не могли зупинити процес окупації. Правильніше, ми змогли б його утримати, якби наше керівництво було зубастішим. Замість цього були допущені явні помилки. Проте треба розуміти, що наша армія в Криму була фактично п'ятою колоною РФ. Люди, які отримували зарплату вп'ятеро меншу, ніж їхні колеги з Росії, у складі 80% просто перейшли на інший бік. А причина цього в тому, що спочатку не було національної державної політики в Криму. Та й у всій державі такої єдиної політики не було. Те, що сталося, — наслідок цього. Винні в цьому олігархи, які захопили владу. Я їх називаю феодалами. Винен той же Кучма, який зараз чомусь представляє інтереси України в Мінську. Винні і Ющенко, і Порошенко, які вийшли з «шинелі» Кучми. При цьому я свідомо не згадую Кравчука, у якого була національна позиція. Кравчук був вихованцем старої партійної школи, і він розумів, що без ідеї, яка об'єднуватиме народ, націю, все інше не має сенсу... Повертаючись до теми армії, хочу сказати, що після Майдану я був вражений важким станом наших збройних сил. Тоді ми їздили за Чернігів, де стояли мобілізовані військові частини, яких просто викидали в лісі з дір'явими наметами. Бійці спали на ялинових гілках, у них деколи навіть не було черевиків і не завжди була їжа. Природно, в тому стані збройних сил впоратися з противником ми не могли. Коли мій старший син, який був на Майдані у 2-й сотні самооборони, пішов разом із хлопцями в перший резервний батальйон Нацгвардії, названий потім батальйоном імені Кульчицького, то я побачив, що це було дуже правильною ідеєю знайти місце майданівцям, патріотам і на них спиратися. Крім них, ні на кого практично спиратися не було можливості. При штатній чисельності 1,5 тисячі осіб у бригаді ЗСУ насправді перебувало від сили 500 осіб особового складу і техніка була не на ходу. Армія була розвалена, на це й розраховував Путін. Таким чином, перше, чим ми почали займатися як волонтери, це забезпечення згаданого батальйону Нацгвардії. Я зрозумів, що хлопцям треба допомогти, бо не було ні бронезилетів, ні рацій, ні

приладів нічного бачення. Було очевидно, що вони стануть певним кістяком, саме вони зламали плани Путіна. Варто пригадати, що коли деякі тітоньки виходили проти українських солдатів і всіляко їм перешкоджали шляхом провокацій, то бійці ЗСУ розгублювалися. Добровольці ж досить швидко і жорстко реагували на подібні речі, після чого спроби продовжувати провокації присікалися геть.

— **З приводу знищення добровольчих батальйонів. Чи справді така тенденція існує, чи це викривлене розуміння ситуації?** — Зазначу, що біля витоків добровольчого руху стояли Антон Геращенко і Арсен Аваков. Тому, коли говорять про те, що вони нібито знищують добровольців, це ніяк не в'яжеться з реальними. Порошенко при цьому категорично проти добровольців, бо він їх боїться і на те є причини. Фактично добровольчий рух зараз зведений нанівець. Від самого початку було зрозуміло, що Петру Порошенку добровольці не подобаються. Він вважав їх украй ненадійними для свого режиму і, мабуть, недаремно. Проти добровольців у результаті почалися гоніння, зокрема й у ЗМІ. Проти них виступав той же Бірюков, Гелетей, представляючи їх пияками, мародерами і насильниками. На будь-якій війні справді є випадки і мародерства, і насильства. Це війна, і вона потворна. В армії звичайні люди, коли вони отримують в руки зброю, переживають жахливі стреси, з ними може статися будь-що. Це правда війни, і цю правду я бачив на власні очі. Але боротьба з добровольцями — це не боротьба з негативними явищами війни. Порошенко зробив ставку на мобілізовану армію. Начебто це дешевше. На початковому етапі мобілізована армія дійсно потрібна. Потрібен був людський ресурс. Але потім треба було будувати професійну армію. Контрактники — це не професіонали. Професіонал — це людина, яка життя присвятила збройним силам, постійно вчиться воювати і бути, даруйте, професійним убивцею противника для того, щоб захистити свою країну. У мене є інсайдерська інформація, що на РНБО були чергові розбирання щодо добровольців. Навіть тоді, коли Семенченко, до якого я особисто ставлюся негативно, провів політичну акцію, Порошенко сприйняв це мало не як спробу державного перевороту. Зараз у добровольчі батальйони бійців мобілізують, і вони стають вже начебто і не добровольцями. Самих добровольців у ці батальйони вже і не запрошують. Керівництво МВС змушене чинити так само, тобто примушувати бійців підписувати контракти. Багато хто йде, і це погано. — **До речі, як ви ставитеся до того, що багато комбатів пішли в політику? І на що зараз перетворюється парламент?** — Коли були вибори до Верховної Ради, то я категорично заявляв, що проти того, аби комбати йшли до парламенту. У нас не закінчилася війна, а це означає, що треба продовжувати займатися батальйонами, а не політикою. — **Можливо, їх спеціально готували для політики?** — Ні. Я бачив, як деякі комбати, той же Семенченко, просто використовують добровольчий рух для задоволення своїх політичних амбіцій. Ці амбіції, окрім гасел, мало відповідають національним інтересам. Це моя особиста думка. Фактично дві «політичні» сили — «БПП» і «Народний фронт» — скористалися цими комбатами, запросивши їх у свої списки і підвищи-

вши свій рейтинг. Слово «політичні» я беру в лапки, бо переконаний, що жодної політики в Україні немає. Немає ні справжніх політиків, ні справжніх партій. Є продовження стосунків феодалів між собою з псевдодемократичним забарвленням у вигляді виборів і парламенту. Тому говорити, що у нас є парламентаризм, — це просто смішно. Та й суспільство у нас не згенерувало реальної політики. — **Тобто суспільство саме до цього не готове.** — Я переконаний, що в такий важкий для країни час потрібен національний лідер. Це людина, яка має бути на рівні Ганді, де Голя, Валенси, бен Гуріона. У неї має бути національна ідея. Вона може не завжди мати рацію, але вона повинна чітко розуміти, що відповідає національним інтересам країни, і бути при цьому безсрібником. — **Ви згадали прізвище Бірюкова. І серед волонтерів знайшлися люди, які пішли і в політику, і в чиновники.** — Якщо я йду в чиновники й отримую якусь посаду, то який же я тоді волонтер? Безумовно, інколи має бути координація з державою. Серед представників влади дуже багато патріотів. Навіть у Міністерстві оборони. — **Ви сказали «навіть»...** — Міністерство оборони — це украї корумпована структура. Але доводиться і там знаходити нормальних, адекватних людей. У штабі сухопутних військ є прекрасні офіцери. У нас у всіх головне завдання — перемога. Проте що стосується волонтерів, які пішли у владу, то це політичні проекти. Що стосується так званого «волонтерського десанту». Який такий десант? Які волонтери? Ось є Міністерство оборони — величезна машина, при цьому неефективна. Що треба зробити? Треба дати повноваження міністрові, у якого має бути на декількох аркушах програма реформування. Коли генерал Мальцев у Білорусі розпочав реформування свого відомства, то у нього була програма військових реформ на десяти аркушах. У нас же безліч проєктів, аж до введення нової військової форми. Форма — це епізод. Наче в інших арміях цього не роблять, чи в українській армії цього не робилося раніше до приходу «волонтерського десанту». Або візьмемо електронні торги. Просто з'явилася така можливість і треба її використовувати. Яка ж це реформа? Реформа — це зміна світогляду всієї організації, це ідеологія. Реформа — це створення високоефективної професійної армії, оснащеної за останнім словом науки і техніки, керованої адекватними, талановитими командирами. Ось вся суть військової реформи. Зараз у нас Генштаб і Міноборони дублюють функції один одного. Міноборони має бути суто цивільною організацією, що забезпечує діяльність збройних сил і в якій при нашій чисельності армії повинно працювати не більше 500 осіб з нормальною зарплатою. А в Генштабі мають бути талановиті офіцери. Виходить, що зараз Генштаб, зокрема, займається ще й забезпеченням армії, що властиво функціям винятково Міноборони. Чому так? Відповідь проста — освоєння грошових потоків. Безумовно, зараз постачання армії покращало. Все-таки не могло нічого не змінитися більш ніж за рік війни. — **Зараз активно обговорюється тема блокади Криму. До цього піднімалося питання блокади окупованого Донбасу. Наскільки реально це реалізувати і як ви до цього ставитеся?** — Загалом я ставлюся до цього позитивно. Противник захопив нашу територію. Перше — ми повинні оборонятися.

Друге — порвати з ним всі стосунки — від дипломатичних до економічних. Третє — ми нічого не повинні робити для того, щоб противникові жилося краще. Навіть якщо ми самі від цього втрачати мемо. Абсурдом є говорити про агресію і при цьому агресорові потискати руку, торгуючи з ним. Треба обрізати всі зв'язки і соломою топити будинки, якщо потрібно. Треба було перебудовувати економіку ще рік тому, одразу ж після нападу. Замість цього з окупантом хтось продовжує вести бізнес. Фактично ми маємо на Донбасі не просто тіньовий бізнес, а кримінальний. Це схоже на мента, який на дорозі малює подвійну суцільну лінію там, де її не має бути, і при цьому збирає гроші з «порушників». Так само й тут. Ввели лінію розмежування і замість блокування просто поставили каси. Хтось поставив шлагбаум і знімає гроші. Виходить, що у нас контрабандою вважається провезення хури з продуктами, але при цьому ешелони вугілля і металобрухту контрабандою не вважаються. Щодо нинішньої блокади Криму, то при всій моїй повазі до кримських татар складається відчуття, що це політична акція, яка після виборів закінчиться. — **Буде привід перевірити цю версію після жовтня.** — Так. Треба розуміти, що національної політики щодо Криму немає і не було. Немає стратегії того, як повернути Крим, як підтримувати там кримських татар і патріотів України, які залишилися в окупації. Бо, окрім блокади, потрібна програма того, як підтримувати наших громадян, як їх рятувати, захищати, вивозити, забезпечувати, давати можливість жити в нашій країні. Тому я й стверджую, що сьогоднішня блокада Криму — це «акційна фішка» під прапором національної боротьби. І думаю, що ця «фішка» не остання. Повертаючись до теми контрабанди на Донбасі, можу сказати, що вона не тільки не припиняється, але й набула величезних масштабів. Причому сама контрабанда стала жахливіша ще й тим, що на Сході за гроші почали вбивати свої своїх. Йдеться не просто про контрабанду. Там прокручуються божевільні афери, які куруються зверху. Якщо ці афери будуть розкриті, то підніметься грандіозний скандал, сильніший усілякого «гейта». Коли у мене будуть докази, які можна буде надати в суді, я обов'язково їх оприлюдню. — **У мережі вас прийнято сприймати як скептика. Існують цілі кліше — «зрадофіли», «порохоботи», які приклеюють до тих або інших осіб. Останні стверджують, що ви у всьому шукаєте так звану «зраду» і деморалізуєте читачів. Як ви оцінюєте свій скепсис? Чи справді все так погано?** — Що ж до так званих порохоботів, то це абсолютно нормальне явище. Існує провладна пропаганда. Президент захищає себе. Він створює при цьому в інформаційному середовищі ворогів, на яких вішає все. Спочатку скептиків називають «зрадофілами» і говорять, що вони просто завжди критикують і нічого не помічають хорошого. Потім слідом за подібними кліше з'являється ще одне — зрадники. Тобто, якщо ти критикуєш владу, то ти автоматично нібито працюєш на ворога, на Путіна. В історії це закінчується двома шляхами. Перший — «зрадофіли» виявляються адекватними людьми, які цей режим перемагають. Причому я не кажу про збройне повстання, а про перелом ситуації. Другий варіант — «зрадофілів» ув'язнюють, називаючи їх

«ворогами народу». Я не належу до людей, які огучно когось критикують. Це навіть образливо. Говорити про те, що я слабка людина, яка депресує і бачить все в чорних тонах, безглуздо. Якби це було так, то я б уже виїхав з цієї країни, як багато «по-рохоботів», які вішають у мережі з-за кордону. Торік я майже постійно перебував на фронті. Всі знають, скільки всього я зробив для армії, що я один із тих, хто організовував волонтерський рух, що я будував розвідувальні мережі, що займався і займаюся безпілотниками, технологіями військового призначення. Говорити при цьому, що я працюю на боці ворога, може тільки людина з хворюю уявою. Все це — елементи захисту режиму. Тепер якщо пропонуєш конкретний план військової реформи, то виходить, що все це треба викинути, бо це критика існуючого стану речей, а значить — знову «зрадофіли». Це смішно — інформаційну війну вони ведуть бездарно. — **Ви бачите себе в політиці?** — Так, бачу. В майбутньому. Президентом. Звичайно, я іронізую, але справді в нашій країні, де дуже сильні традиції кріпацтва на всіх рівнях, все вирішує президент як головний чиновник або — головний кріпосник. Я не бачу шансів змінити країну на рівні депутатства. Що там робитиме один розумний і сміливий, якщо вся система працює за іншими правилами? Скільки б він не тис на кнопку, ця система він не змінить. Я переконаний, що Україні потрібен національний лідер із державним мисленням, який буде здатний на відповідні кроки. У Давньому Римі, коли починалася війна, призначалися консули. А коли зовсім ставало погано, то призначався диктатор. Як я говорив, у нас немає зараз політики. Але вона скоро буде. Росія своїм тиском сама народжує в нас опір і, відповідно, здатність виживати і розвиватися. Нас чекають дуже серйозні зміни, і я з оптимізмом дивлюся в майбутнє попри розчарування» [16].

«Слепой Петр Дячук и его незрячая и глухая жена Валентина Мазурик («ФАКТЫ» рассказывали о них [18]) сегодня активно помогают фронту. Они вяжут бойцам АТО специальные рукавицы. За полтора месяца супруги изготовили уже более 50 пар таких рукавиц и не собираются останавливаться на достигнутом.

— *Свяжем столько, сколько понадобится*, — говорит **51-летний Петр Дячук**. — *А идею таких рукавиц подсказал сынок Валюши, который сейчас служит на востоке Украины. Однажды он признался, что бойцам не хватает хороших перчаток. Те, которые им выдают, не годятся — палец сползает со спускового крючка. Поэтому во время стрельбы их приходится снимать. В результате мерзнут и немеют руки, и прицельность уже не та. Сын объяснил, что им нужны перчатки без одного пальца. Жена вспомнила, что видела такие давным-давно, когда еще была зрячая, на рынке у продавщиц. Для того чтобы торговкам в мороз было удобнее считать деньги, они обрезали пальцы в перчатках до половины. Супруга решила самостоятельно связать такую пару.*

Получилось не сразу. Но когда сын приехал в отпуск, Валентина смогла показать ему готовую пару. Боец оценил мамино изделие и попросил связать такие же рукавицы для друга.

— *Вторую пару Валя связала быстрее, а потом и третью*, — рассказывает Петр Дячук. — *Сейчас*

жена настолько наловчилась, что вяжет и считает петли автоматически. За день получается пара добротных, теплых и, главное, удобных рукавиц. Жена вяжет, а я нахожу ей нитки. Для работы требуется исключительно шерстяная пряжа темных тонов. До морозов нужно успеть связать не менее ста пар — бойцам уже пообещали, они ждут. С работой справимся. Главное, чтобы ниток было в достатке. Их передают родственники, соседи, знакомые. Приходится ходить по городу, интересоваться, у кого есть лишний клубочек или старая шерстяная кофточка, которую можно распустить. А еще я продолжаю искать спонсоров, которые согласились бы принять участие в оплате операции супруге.

Напомним, что незрячий Петр Дячук вот уже несколько лет собирает деньги для восстановления слуха своей любимой жены.

— *Я потерял зрение в пятилетнем возрасте*, — вспоминает Петр Емельянович. — *Играя с друзьями на чердаке дома, нашел необычную игрушку с кольцом. Это оказалась ручная граната, видимо, спрятанная куда-то моим дедом. Стал хвастаться перед ребятами, а те захотели отобрать. Я побежал, чтобы отнести находку родителям, но споткнулся и, наверное, случайно дернул за чеку...*

Раздался взрыв. Ударной волной ребенку оторвало кисть и обожгло глаза. Медики чудом спасли жизнь мальчику, однако зрение вернуть не смогли. Его долго лечили окулисты Луцка, затем Одессы. В конце концов родители услышали неутешительный вердикт: ребенок никогда не будет видеть.

— *Папа с мамой сделали все, чтобы я нормально себя чувствовал*, — продолжает Петр Дячук. — *Каждый день мне говорили, что жизнь продолжается, и она прекрасна несмотря ни на что. Я закончил спецшколу, затем поступил в педагогический институт на исторический факультет. После его окончания работал в школе. Я замечательно со всем справляюсь: хожу по магазинам, готовлю, стираю, путешествую... С удовольствием слушаю аудиокнижки, а еще пою в церковном хоре. Но по-настоящему стал счастливым 16 лет назад, когда встретил Валюшу.*

Валентина Мазурик ослепла на один глаз в подростковом возрасте в результате травмы. Чтобы сохранить остаток зрения на другом, она перенесла десяток операций. Каждый раз, просыпаясь утром, женщина благодарит Бога за то, что еще один день проживет, видя солнце.

— *Когда Валюша появилась в моем доме, здесь все ожило!* — говорит Петр Емельянович. — *Она навела порядок, посадила цветы, которые чудесно пахнут. Жена великолепно готовит и балует меня вкусными блюдами. А еще вяжет теплые вещи, которые мне очень дороги. Валенька окружила меня любовью и заботой, стала моими глазами. Мы часто гуляли вечером в парке, любили путешествовать.*

Три года назад случилась беда, о которой предупреждали врачи, — Валентина полностью потеряла зрение. Женщине пришлось учиться стирать, готовить, убирать и передвигаться по квартире на ощупь. А вскоре в семью пришло еще одно горе.

— *Самым большим ударом для меня стала полная глухота супруги*, — вздыхает мужчина. — *Через несколько месяцев после того как Валюша ослепла, она потеряла и слух. Жизнь в полной тьме и тишине для жены стала невыносимой. А мне тяжело от того,*

что она страдает... Мы не знали, как объясниться друг с другом — ведь я слепой, а она слепая и глухая. Однажды меня озарило, и я купил детскую азбуку с крупными пластмассовыми буквами. Очень благодарен сотрудницам магазина, которые меня хорошо знают и постоянно помогают с покупками. Так вот, с помощью этой азбуки я складывал вопросы для супруги, она пальцами «читала», а затем так же писала мне ответ. Мы снова могли общаться — это было счастье! И все-таки складывание слов оказалось хлопотным делом, поэтому я предложил жене освоить систему Брайля. Валенька очень быстро выучила грамоту для слепых, и наша жизнь перестала быть такой мрачной. Жена снова стала шутировать, рукодельничать и даже... сочинять стихи.

Она очень компанейский человек. Супруге часто звонят друзья. Общение происходит так: Валюша берет трубку и рассказывает новости, а затем задает вопросы. После этого трубку передает мне, я слушаю ответы подруг и записываю их по системе Брайля. Если нужно сказать жене что-то очень коротко, «рисую» буквы, водя по ее руке.

Петр Дячук признался, что он сердцем чувствует: супруге не хватает «живого» общения. Он поинтересовался у медиков, можно ли Валентине вернуть слух. Те, обследовав женщину, ответили: только если вживить кохлеарные имплантаты, стоимость которых сейчас свыше 600 тысяч (!) гривен. Специалисты столичного Института отоларингологии пообещали провести нужную операцию.

— Нам объяснили, что благодаря государственной программе сверхдорогую операцию можно сделать бесплатно, — рассказывает Петр Дячук. — Однако это касается только детей, а для взрослых ничего подобного не предусмотрено. Поэтому нужно собирать деньги.

— Цена на операцию для нас заоблачная, и все-таки мы не теряем надежды вернуть слух хотя бы одному моему уху, — тяжело вздыхает 55-летняя Валентина Мазурик. — Жить без зрения еще можно, а вот без зрения и слуха... Если Петя идет в магазин, я буквально считаю минуты, когда он вернется. Мне страшно надолго оставаться одной, ведь в случае беды я не в состоянии ни в «скорую» позвонить, ни соседям сообщить.

Чтобы собрать необходимую сумму, семья экономит на всем. Супруги распродали самое ценное из вещей, деньгами помогли друзья и знакомые.

— Еще немного, и наша мечта бы сбылась, но прыгнул доллар, цены резко подскочили, — говорит Петр Емельянович. — Нам снова далеко до требуемой суммы. Поэтому все также каждое утро я отправляюсь по городу в поисках денег. Захожу в кабинеты чиновников разных уровней, прошу у общественных организаций и благотворительных фондов, обращаюсь к бизнесменам, не прохожу мимо церквей. Но самая большая надежда на обычных добрых людей...» [17].

«Одесситке Вике Сороке всего двадцать. В 2014 году девушка закончила медицинское училище, где училась на фельдшера. Получив диплом, сразу пошла работать в Одесский клинический военный госпиталь. А уже летом оказалась в зоне АТО. И не в тылу, а сразу на передовой. В Мариновке Луганской области вместе с коллегами и бойцами 79-й николаевской аэромобильной бригады

попала в окружение, где под непрекращающимися обстрелами спасала раненых воинов. Получила контузию. Несколько раз едва не погибла.

— Помню, мы с врачом обрабатывали рану бойца, как вдруг в нескольких миллиметрах от моего лица пролетел осколок, — вспоминает Виктория Сорока. — Я как стояла, так и упала. Когда осознала, что только что едва не лишилась половины лица, не сдержалась — слезы сами полились из глаз. Но я смогла взять себя в руки и продолжила ассистировать хирургу. Я не верю людям, которые говорят, что на войне не страшно или что там отключаются эмоции. Мне было страшно. А при виде раненых ребят абстрагироваться невозможно. Бывало, обрабатываю рану, делаю все, что требует первая медицинская помощь, а сама при этом рыдаю. С момента тех событий прошел год и сейчас уже кажется, что все это происходило не со мной.

Недавно Вика Сорока получила орден «За мужество» III степени. После событий в Мариновке (она с коллегами-медиками и бойцами провела в окружении около месяца) попала в больницу. Только когда девушка уже была в госпитале, ее бабушка узнала, где все это время находилась внучка.

— Причем я ничего бабушке не рассказывала, она сама почувствовала, — говорит Вика. — Для родных у меня была другая версия — говорила им, что работаю в мобильном госпитале в Запорожской области. Возможно, они что-то подозревали, ведь в последнее время я редко звонила. Иногда дозванивалась маме, но через тридцать секунд связь прерывалась. В Мариновке все было уничтожено, в том числе и вышки. Нас выводил из окружения известный волонтер Юрий Бирюков. Вывозили на БТРах. Когда мы поднялись на высоту, стало страшно — там все открыто, как на ладони, негде спрятаться. А я уже привыкла к жизни в окопе, ведь на передовой постоянно работали снайперы. И тут начался обстрел. Нам удалось вырваться. Когда наконец оказались в тылу, я взяла у одного парня телефон (свой потеряла еще в Мариновке) и начала звонить маме. Мне так хотелось закричать в трубку: «Мама, я жива!» Но понимала, что нельзя. Мама не должна знать, где мы были. Поэтому, услышав в мобилке родной голос, я попыталась спокойно спросить: «Как дела?» Но скрыть эмоции, наверное, не получилось. «Что у тебя с голосом? — заволновалась мама. — Ты не заболела?» — «Заболела, — соврала я. — Но ничего. Со мной все в порядке». — Так и не признались? — Нет. Но потом по телевизору показали Юру Бирюкова, который рассказывал подробности нашего выхода из окружения. Он не называл фамилий, просто упомянул о девушках-медиках, которые, оказавшись в безопасности, падали на колени и целовали землю. Это были мы с коллегой. Когда я уже лежала в госпитале, позвонила бабушка: «Это о тебе только что говорили по телевизору?» До сих пор не понимаю, как она догадалась. — Вы получили контузию? — Да, это случилось во время одного из обстрелов, но не знаю, какого именно — нас обстреливали постоянно. Когда мы только приехали на передовую, спали в палатке. Затем просто на улице, под открытым небом — так было удобнее добираться до окопов. Бывало, не выходили из блиндажей по несколько дней — даже для того, чтобы покушать или, извините за подробность, сходить в туалет. Между нашим и соседним окопом спе-

циально прорыли траншею — чтобы прятаться там в случае опасности, а уже потом пробираться к себе. Соседний окоп был таким узким, что иногда приходилось спать практически друг на друге. Операции делали либо в окопе, либо в машине, которая разворачивалась как мобильная операционная. Несмотря на то что машина медицинская, ее так часто обстреливали, что автомобиль был похож на решето. Тем не менее он служил нам прикрытием от осколков — стоял в центре лагеря, и мы, прячась за кузовом, оказывали первую помощь раненым, которых нельзя было дотащить до окна. Когда уезжали из Мариновки, от этой машины практически ничего не осталось. Мы даже не стали ее забирать. — **Вы говорили родным, что находитесь в Запорожье. Действительно сначала там были?** — Мы приехали в Запорожье всего на один день. Переночевали и отправились к ребятам из 79-й бригады в Солнцево Донецкой области. А потом меняли месторасположение вместе с ними. Первый серьезный обстрел я пережила в ночь на 17 июня прошлого года. Мы остановились переночевать в лагере пограничников в Алексеевке. Будучи в операционной, среди ночи услышали звуки выстрелов. Сначала подумала, что стреляют по беспилотникам. Но оказалось, мины летели в нашу сторону. Где спрятаться? Рядом были только автомобили и палатки.

Виктория признается, что мало кого запомнила из бойцов, которым оказывала помощь: когда раненые идут сплошным потоком — не до имен. А вот солдаты говорят, что всю жизнь будут благодарны своей спасительнице. Мне когда-то говорили, что во время обстрела можно укрыться между колесами большой машины. Схватив в темноте автомат, бронежилет, каску и берцы, я подбежала к грузовику, но под его колесами уже не осталось места — там сидели ребята. Тогда начальник быстро отвел меня в какуюту постройку, где мы тут же начали принимать раненых. Их было очень много. Помню, меня аж в дрожь бросило от увиденного... Но я взяла себя в руки и начала работать. Обстрел продолжался до семи часов утра. Мы оперировали ночь и все утро. Наверное, это было мое боевое крещение.

«Никогда не забуду обгоревшие трупы наших ребят, после того как их накрыло «Градами». — Говорят, к обстрелам можно привыкнуть, — продолжает Вика. — Возможно. Но перестать бояться все равно нельзя. После первого обстрела я несколько дней не разговаривала. Кстати, заведующий урологическим отделением Александр Анатольевич Нетребко предлагал мне и операционной сестре Галине Адаменко вернуться домой. Мы сразу отказались. Сказали, что останемся здесь, что бы ни произошло. Нас, медиков, ведь в командировку на фронт поехало не так много: кроме меня, Александра Анатольевича и Гали, в бригаде были муж Галины Сергей Иванович (он травматолог), анестезиолог и два водителя. Анестезиолог, кстати, получил ранение. Это произошло на моих глазах — ему в голову попал осколок. Мы бросились оказывать помощь. Слава Богу, спасли. — **В одном из интервью вы сказали, что, сутками находясь в окопе, больше всего мечтали о... косметичке.** — Это правда. У нас были с собой какие-то гигиенические и косметические средства, но из-за обстрелов мы часто не могли ими воспользоваться. В том числе и нормально помыться. Под душ мы сами переоборудовали

деревянную кабинку туалета. Но идти туда было опасно — в любую минуту мог начаться обстрел. Однажды со мной так и произошло. Помню, только зашла, разделась — и раздалась взрывы! Я тут же закуталась в полотенце — и бегом в окоп. Сиджу там, дрожу и с ужасом думаю, что могла и не добежать... Видели бы вы мои волосы и ногти, когда я вернулась с фронта домой. Кстати, косметичку я однажды потеряла, но ребята потом нашли ее и привезли мне прямо на передовую. — **Помните бойцов, которых спасали? Возможно, с кем-то до сих общаетесь?** — Помню, но далеко не всех. Когда раненые идут бесконечным потоком, ты не спрашиваешь их имен — просто быстро выполняешь свою работу. С некоторыми потом знакомишься, разговариваешь... Есть вещи, которые я, наверное, не забуду никогда. Например, обгоревшие трупы наших ребят после того, как их накрыло «Градами». Это очень страшно, ведь еще вчера я видела всех их живыми. Помню, как парень, который привез погибших, в отчаяние пытался понять, кто из обгоревших — его троюродный брат. Но тела были неузнаваемы. Еще мне очень запомнился один майор. Осколочное ранение в грудную клетку. Ему было лет тридцать. Я поставила капельницу, но ему стало хуже. Открылось внутреннее кровотечение. Майора тут же отвезли в госпиталь в Куйбышево, прооперировали. Но через два часа мужчина умер. Казалось бы, один случай из тысячи, но мне этот майор почему-то очень запомнился. Возможно, потому, что дома его ждала маленькая дочка. Он успел мне об этом сказать. Некоторые бойцы, которых удалось спасти, оказывается, меня помнят. Приезжают в госпиталь или находят через социальные сети. Недавно у меня брали интервью, и я сказала, что время, проведенное в зоне АТО, было самым страшным, но и... лучшим в моей жизни. В комментариях под статьей одна женщина написала: «Это ужасно. Как вы можете такое говорить?» Я от своих слов не отказываюсь. Там, на войне, все по-другому. В мирных городах люди заиклены на себе и своих проблемах. А на войне все друг за друга горой. Ты знаешь, что тебя не бросят в беде, и сам ни за что не оставишь товарища. Помню, как во время обстрела командир лагеря вместо того, чтобы побыстрее прятаться, бежал по окопам с криком: «Все живы? Вы в порядке?» Он и не думал о том, что сам может погибнуть. Вернувшись домой, долго чувствовала себя не на своем месте. Хотелось назад, на передовую. В родном городе совсем другая жизнь. Люди ходят по ресторанам, развлекаются и понятия не имеют, что происходит в их же стране. Я ни в коем случае их не осуждаю. Но мне было морально тяжело. Первые пару месяцев вообще не хотелось выходить из дому.

— **Многие бойцы говорят, что война навсегда их изменила. Вас тоже?** — Конечно. Теперь я понимаю, что желание купить новое платье или лак для ногтей — это такая ерунда. Да и покупка новой машины тоже. Самая большая ценность — ваши близкие. Цените время, проведенное с ними. Находясь в зоне АТО, я все время думала о своих родителях, о младшем братике. Это так страшно — понимать, что можешь больше никогда их не увидеть. Сейчас все свободное время провожу с ними. — **Вы работаете?** — Да, все в том же Одесском военном госпитале. Мечтаю стать профессиональным хирургом. Ассистируя

опытным военным хирургам, я как фельдшер многому научилась. В этом году пробовала поступать в медицинский институт, но меня не взяли. Буду пытаться в следующем году. Сейчас привыкаю к обычной жизни. Однако если потребуется, поеду на фронт не раздумывая» [19].

«Помилованный главой государства «волонтер в законе» Константин Ходаковский вышел на свободу и вернулся домой. 25 тысяч евро, полученные от Европейского суда по правам человека как компенсация за пытки со стороны сотрудников милиции, Константин потратил на нужды армии. В начале октября 2015 г. «ФАКТЫ» сообщали о том, что президент Петр Порошенко помиловал 20 осужденных. Среди них был и Константин Ходаковский, который, отбывая наказание в колонии, помогал украинской армии. С тех пор Константина называют «волонтером в законе». Волонтерством он занялся еще в конце 2013 года, когда развивались события на Майдане. Зарегистрировался в соцсети и организовал сбор средств для протестующих. А вскоре стал собирать деньги для военнослужащих. Подписываясь на его страничку в «Фейсбуке», люди сначала даже не догадывались, что волонтер Ходаковский находится в колонии. Константин тем временем, всеми правдами и неправдами добываясь доступа к телефону и Интернету, продолжал свою волонтерскую деятельность. А когда получил 25 тысяч евро компенсации за пытки со стороны сотрудников милиции, не задумываясь, отдал эти деньги на нужды украинской армии. Константин отсидел почти 12 лет. Впереди у него оставались еще три года заключения, когда его помиловали. Это произошло во многом благодаря волонтерам, которые, узнав историю коллеги, стали писать соответствующие письма на имя президента.

— По правилам я тоже должен был написать такое письмо, — говорит Константин Ходаковский. Мы связались с ним по телефону, как только Костя приехал домой. — Но я... не хотел. Во-первых, не верил, что из этого что-нибудь получится. Я много лет потратил на то, чтобы доказать, что невиновен в убийстве, в котором меня обвинили, но получил 15 лет лишения свободы. Кроме того, закон о помиловании распространяется лишь на тех, кто признает свою вину. А я ее не признал и не признаю до сих пор... В результате письмо президенту я отправил, но не такое, как должен был. Я так и написал: «В убийстве не виновен». — За что вас осудили? — Все началось с ограбления квартиры, которое я совершил, когда мне было 15 лет. Не буду врать и говорить, что никогда не нарушал закон. Нарушал. В тот день мы с тремя ребятами отдыхали на квартире в самом центре столицы. Как раз был День Независимости Украины. Мы с ребятами вышли в подъезд покурить и заметили на лифтовой сетке ключ. Оказалось, он был от лифта, идущего с четвертого на пятый этаж. Весь этот этаж занимала роскошная квартира, в которую мы проникли. Я еще запомнил, что прямо в квартире был бассейн. Хозяева отсутствовали, и мы этим воспользовались. Украли несколько винтовок и коллекционный нож XVI века. Еще взяли деньги из сейфа, но не все. Оказалось, мы ограбили квартиру очень влиятельного чиновника. Не могу назвать его имя. Но мы тогда этого не знали и на ра-

дстоях уехали в Житомир. Там всю тратили деньги, стреляли из украденных винтовок. Коллекционный нож я носил в своем рюкзаке. Потом решили отдать винтовки на хранение одному знакомому. В качестве вознаграждения за помощь я подарил ему этот нож. Через восемь месяцев меня вызвали в суд в качестве свидетеля. Оказалось, знакомый, которому я подарил нож, совершил убийство. Во время драки ранил ножом какого-то мужчину, отчего тот вскоре умер. Изначально его судили по статье «Неумышленное убийство». Приятель сказал, что нож подарил ему я, поэтому меня и вызвали в суд. Но за ограбление квартиры чиновника к тому времени уже успели посадить двоих человек. И эти двое... дали признательные показания. У них их просто выбили. Интересно, что даже после того, как я признался в содеянном, этих ребят не отпустили — они отсидели три года. Я готов был получить срок за ограбление. Но уж никак не мог подумать, что меня обвинят в умышленном убийстве. В том, что мужчину в парке убил мой знакомый, которому я подарил нож, не сомневался никто. Он и сам признал свою вину. Но если сначала говорил, что совершил убийство по неосторожности, то потом вдруг заявил, что это я «заказал» преступление. Мол, для этого и дал ему нож. Несмотря на то, что у него не было ни свидетелей, ни каких-либо других доказательств, ему поверили. Меня сделали подозреваемым, а потом приговорили к 13 годам лишения свободы. Мои аргументы никто не хотел слушать. В приговоре и многочисленных ответах, которые я получал из правоохранительных инстанций, так и написано: «Вина Ходаковского доказана показаниями второго подсудимого». — Вам дали 13 лет лишения свободы или все-таки 15? — уточняю у Константина. — Сначала 13. Еще два года я получил уже сидя в тюрьме — «за нарушение режима». В колонии в Изяславе Хмельницкой области меня, как и других заключенных, возмущали бытовые условия. Вернее, их полное отсутствие. Например, то, что срок годности лекарств, которые нам давали, вышел еще в 1990 году. Или то, что в колонии вообще не было душа. Мы обратились в Пенитенциарную службу Украины. Вскоре из Киева приехала комиссия, и процесс пошел. В колонии появились души и нормальные лекарства. Но после того как киевские чиновники уехали, к нам пришли омоновцы — человек 400. Нас, человек 20, начали в прямом смысле слова убивать. Били до потери сознания. Одного парня забили до смерти, второму выбили зубы. Нас перевезли в Ровно, затем в Днепрпетровск и везде избивали. Потом я попал в колонию в Первомайске Харьковской области, где провел два года и восемь месяцев. Почти все время сидел в камере. Мы (те, кто посмел пожаловаться в пенитенциарную службу) попадали туда по любому поводу. Забыл поздороваться — в камеру. Что-то не так сказал — опять в камеру. «За неповиновение администрации» мне и «накинули» срок.

Константин и другие избитые спецназовцами заключенные пожаловались в Европейский суд по правам человека. В 2013 году о деле «Карabet и другие против Украины» писали многие украинские СМИ (Карabet — это фамилия заключенного, который умер от нанесенных спецназовцами травм). Тогда стало известно, что 18 заключенных

отсудили у государства в общей сложности почти полмиллиона евро компенсации. Константину Ходаковскому присудили 25 тысяч евро.

— Затем меня перевели в колонию в Черкасской области, — вспоминает Константин Ходаковский. — Сначала его руководил начальник, подчиненные которого тоже регулярно сажали меня в карцер. Но когда руководство колонии поменялось, пытки закончились. К осужденным стали относиться гораздо лучше. Нам предлагали работу, за которую платили зарплату, мне давали возможность регулярно встречаться с женой. Приветствовали мою волонтерскую деятельность. Более того, начальник колонии даже помогал. — **Когда же вы успели жениться?** — Не только жениться, но и родить двоих детей, — улыбается Константин. — Мы с Викой познакомились в 2005 году по Интернету. Она в тот момент жила с родственниками в Праге, имела чешское гражданство. Когда я признался ей, что сижу в тюрьме, она, наверное, не поверила. Заявила: «Я к тебе приеду». Приехала. Я в тот момент находился в карцере, и ей сказали, что свидания не будет. Но Вика не собиралась отступать. Начала звонить в посольство и все же добились встречи. Таким было наше первое свидание. С тех пор мы постоянно общались. Я чувствовал, что нашел родного человека, но не думал, что у наших отношений есть будущее. Мне предстояло сидеть еще десять лет. Зачем я ей такой нужен? Когда Вика предложила пожениться, я пытался ее отговорить. Боялся, что этим поступком она может испортить себе жизнь. Но Вика получила украинское гражданство, купила в Украине квартиру, и мы известили руководство колонии, что хотим расписаться.

— Я в своем решении не сомневалась, — говорит **Виктория**. — Для меня не важно, где человек — на свободе или в тюрьме. Главное, чтобы он при этом оставался человеком. Поэтому вопрос, связывать ли свою жизнь с заключенным, для меня не стоял. Многие мои знакомые были в шоке: «Как же так?!» «Вот так, — отвечала. — Я его люблю, и точка». — Правда, расписали нас только в 2010 году, уже в колонии в Черкасской области, — продолжает Константин. — Сейчас у нас есть две замечательные дочки — семилетняя Ангелина и двухлетняя Милана. С тех пор как Вика стала моей законной супругой, нам стали чаще разрешать свидания. Мы могли встречаться раз в два месяца и оставаться вместе на трое суток. Кстати, моя волонтерская деятельность началась во многом благодаря супруге.

— **Вы следили за событиями в стране?** — Да, вместе с другими заключенными смотрел телевизор. Когда начиналась революция, Вика как раз рожала Милану. Дочка родилась 27 ноября 2013 года. Через два дня сотрудники «Беркута» избили студентов. Седьмого декабря жена возвращалась из роддома. Ехала по Киеву через Майдан. Сама за рулем, да еще и с новорожденной дочкой в машине! Вика привезла протестующим медицинские маски и лекарства. Когда я узнал, что жена подвергла себя и малышку такому риску, две недели с ней не разговаривал. Но разве это могло ее остановить? То, что происходило на Майдане, я, конечно же, приветствовал. Хотя бы потому, что сам столкнулся с беспределом со стороны правоохранительных органов. Не хотелось, чтобы дети жили в такой стране. Когда началась оккупация Крыма, Вика поехала на полуостров с гумани-

тарной помощью для украинских военнослужащих. Детей, которых не на кого было оставить, взяла с собой. Потом начала ездить в зону АТО. Сначала возила продукты, затем — бронезилеты, каски, рационы и тепловизоры. В то время я как раз получил 25 тысяч евро, которые удалось отсудить. Эти деньги ушли за две недели. Зато мы частично одели белоцерковский полк. Обеспечили ребят качественной амуницией. — **Отдавая все деньги на нужды армии, вы не сомневались в своем решении?** — Нет. Честно говоря, вопрос о том, на что их тратить, даже не стоял. Я понимал, что солдатам эти деньги нужны больше, чем мне. Когда собственные сбережения были потрачены, я бросил ключ в «Фейсбуке». Люди отозвались. — **Вы регистрировались в соцсети под своим именем? Все-таки, находясь в тюрьме, сидеть в Интернете не положено.** — Под своим. Я понимал, что нарушаю режим, но решил это не скрывать. Все равно бы узнали. Сотрудники администрации видели, что я занимаюсь полезным делом, и на многое закрывали глаза. С 1 января нынешнего года заключенным разрешили ненадолго заходить в Интернет. Начальник колонии мою волонтерскую деятельность приветствовал и даже позволял мне заходить в Интернет чаще. Он предложил заключенным делать для военнослужащих буржуйки. И они их мастерили. Абсолютно бесплатно. А бухгалтер колонии продал квартиру и машину и, купив винтовку, уехал на войну. На собранные деньги мы с женой и продолжали закупать амуницию. Жена и другие волонтеры (а их очень много — Таня Рычкова, Юра Бирюкова, Виталий Панич, Владислав Типарев и многие другие) потом отвозили это на фронт. Были и другие акции. В соцсетях я познакомился с известным футболистом Романом Зозулей. Футболки, в которых он играл, мы продавали на аукционах. Деньги опять-таки шли на нужды армии. А продав футболку Андрея Ярмоленко, мы выручили 74 тысячи гривен, которые потратили на покупку реанимобиля. — **Люди, которые перечисляли деньги, знали, что ставший известным в соцсетях волонтер Константин Ходаковский сидит в колонии?** — Большинство даже не догадывались. Однажды я решил об этом написать. Люди, конечно, были в шоке. Но тут же начали меня поддерживать, писать письма с ободряющими словами. Думаю, во многом благодаря этой поддержке я сейчас оказался на свободе. Когда мне сказали, что президент меня помиловал, я сначала не поверил. О таком счастье не мог и мечтать. Из колонии меня встречали жена, дочки и журналисты. Поехали в Житомирскую область, где живут мои родственники. Мама, к сожалению, уже умерла. Тетя была очень рада меня видеть, плакала... А еще меня узнавали прохожие. Пожимали руку со словами: «Очень за вас переживали. Хорошо, что вы уже на свободе». Оказывается, читали обо мне в соцсетях. — **Чем теперь будете заниматься?** — Как и раньше, помогать украинской армии. Жить будем в Первомайске Николаевской области, где у нас есть квартира. На днях меня вызвали в Администрацию президента и предложили интересный проект. Речь идет о том, чтобы контролировать процесс выдачи участникам АТО земельных участков и других положенных по закону льгот. Мне предложили заниматься этим в Первомайске, где есть три воинские части. А еще хочется провести время с

семьей. Дети привыкли приезжать к папе на свидания. Но теперь папа дома и больше нигде от них не уйдет» [20].

«Создатель «Грузинского легиона», который вместе с украинцами участвует в спецоперациях в зоне АТО, вернулся из Америки, где договорился о сотрудничестве с опытными инструкторами. А 19 сентября 2015 г., он был награжден волонтерской медалью «Народный герой Украины». Впервые Мамука взял в руки оружие в 14 лет, когда в его стране шла «грузино-абхазская, как ее называют россияне, а на самом деле грузинско-российская война». Так говорит этот спокойный, уверенный в себе мужчина. Вместе с отцом, известным в Грузии армейским генералом Зурабом Мамулашвили, Мамука попал в плен, пережил пытки и издевательства. У него с самого начала событий в Украине не было иллюзий на счет того, кто воюет в Донбассе и что за «зеленые человечки» «отжали» Крым. Для него борьба с оккупантами на нашей территории – дело личное. Мы познакомились с Мамукой год назад, когда он только формировал «Грузинский легион». Немногослышный, сдержанный, внимательно слушающий собеседник 37-летний мужчина производит впечатление скалы, за которой можно укрыться в любой ситуации. Несколько дней назад Мамука вернулся из Соединенных Штатов Америки, куда летал по инициативе украинской и грузинской диаспор. А сегодня в Житомире он будет награжден волонтерской медалью «Народный герой Украины». Серебро за выплаты трезубцев продолжают присылать со всего мира. Купить эту награду невозможно. Комиссия, в которую входят известные волонтеры, журналисты и общественные деятели нашей страны, единогласно проголосовала за кандидатуру грузинского патриота, который борется за независимость Украины. – **Что вы делали в Америке?** – Встречался в Вашингтоне и Нью-Йорке с представителями украинской, грузинской и черкесской диаспор. Кстати, Грузия – единственная страна, которая признала геноцид черкесов. Народ был истреблен. Часть черкесов уехали в Турцию, где самая большая их диаспора, до семи миллионов человек. Я просил наших друзей в Америке быть более активными, поддерживать Украину, проводить совместные акции. В беседах выяснилось, что как минимум десять грузин готовы пополнить наш легион. В ближайшее время они приедут в Украину. Несколько черкесов готовы служить в дружественном нам батальоне имени Джохара Дудаева. – **В Америке люди хорошо понимают, что у нас происходит?** – Там не получают информацию в полном объеме. Многие были удивлены моими рассказами, снимками, видеоинтервью командиров батальонов, которые мы специально записали для поездки. Кроме того, наша делегация провела консультации с бывшими американскими военными. Совместно с «Грузинским легионом» они создают группу, которая будет проводить для украинцев огневую, тактическую и медицинскую подготовку. Отдельные люди будут заниматься реабилитацией тех, кто уже прошел боевые действия. После войны ваше общество поймет всю глубину проблемы. В Америке это направление развилось после вьетнамской войны. У солдат были серьезные психологические про-

блемы, из-за которых им трудно было вернуться в общество, найти работу. Уже есть наработки, которые позволяют решать эти вопросы.

– **В мире признают, что украинцы за полтора года научились воевать. В чем еще нужна помощь нашим солдатам?** – У американцев солидный опыт владения современными технологиями, оружием. В Украину уже приезжали инструкторы их военно-морских сил. Но курсы были короткими. В рамках нашего проекта обучение пройдут украинские пехотинцы, что очень важно сейчас. Морских-то боев практически нет. – **Когда был организован «Грузинский легион»?** – В первые дни войны – в апреле прошлого года. Я не могу говорить, сколько человек насчитывает наше подразделение. Это достаточно компактная группа. Мы выезжаем в самые горячие точки, но чаще всего бываем в Луганской области, вблизи Счастья. Как правило, совместно с разведывательными подразделениями батальонов проводим спецоперации. – **На нашей войне уже погибли ваши соотечественники...** – Да, мы похоронили четверых грузин. Не все они входили в наш легион. Двое были добровольцами, поступившими на службу в разные батальоны. Это были очень хорошие люди. Я их знал еще по Грузии. У них остались семьи, жены, дети... – **Бойцы вашего легиона говорят родным, куда отправляются?** – Конечно. У многих из-за этого возникают семейные проблемы, распадаются браки, и это печально. У меня самого семья разрушилась именно потому, что я уехал воевать. Жена этого не поняла и не приняла. Я женился буквально накануне событий в Украине. Сыновьям всего два года и шесть месяцев... Искренне надеюсь: когда они вырастут, поймут, почему я поехал воевать в Украину. Уверен, что благодаря моим сегодняшним действиям сыновья будут жить в свободной Грузии. И даже если в силу каких-то причин я не смогу их воспитывать, свободолюбие уже передано моим детям генетически. – **Что же заставляет вас воевать за Украину, жертвовать своим благополучием, рисковать жизнью?** – Россия – враждебная настроенная страна. Украина поняла это недавно. И только сейчас отвоевывает свою независимость. На Донбассе идет освободительная война. Причем освободиться от объятий «старшего брата» должна не только Украина, но и Кавказ. Часть Грузии до сих пор оккупирована российскими войсками. Для нас этого более чем достаточно, чтобы воевать. Я считаю, нам всем нужно объединиться против России, иначе по отдельности пострадает каждая страна. – **Вы впервые взяли в руки оружие еще подростком.** – Мой отец – армейский генерал. Когда начались события в Абхазии, я не мог сидеть дома, упросил отца, чтобы он взял меня в свое подразделение. Мне тогда было 14 лет. Год провоевал, затем нас с отцом взяли в плен. Через три месяца меня обменяли, а отец провёл в плену почти два года. – **Вас содержали вместе?** – В соседних камерах. Какое-то время мы были изолированы ото всех. Но вскоре нас перевели к военнопленным. При посредничестве сотрудников Красного Креста меня определили в абхазскую семью. Там хотя бы было человеческое отношение... Вскоре меня снова забрали в лагерь военнопленных. Кстати, с тех пор и мне, и моему отцу запрещен въезд в Россию. – **Вы наверняка слышали, как сейчас относятся к украинским пленным, как жестоко их пытаются...**

— В Грузии было намного хуже. — **Что довелось пере-нести вам?** — У русских свой подход к кавказцам. Они знают, что физическое воздействие мы выдержим. А вот психологические пытки, унижения могут нас сломить. Этим и пользовались. Но у меня подобные действия вызывали только злость по отношению к России. Несколько раз нас с отцом водили на расстрел. Они так «шутили». Нужно было иметь крепкие нервы, чтобы это выдерживать. Во время одного из таких «расстрелов» отцу прострелили спину. Сотрудники Красного Креста помогли тогда медикаментами, благодаря чему он выжил. Отец меня всегда воспитывал патриотом, но до плена я не понимал, почему многие грузины настроены негативно по отношению к русским. А тут стал их ненавидеть. В том, что сейчас происходит, виноват не один только Путин и его идеология. Свою роль сыграла и ментальность русского народа. — **Что помогло вам прийти в себя после плена?** — Не знаю, почему легко все это перенес. Может, в силу возраста, потому что психика еще не была до конца сформированной. — **Как освободили отца?** — Его обменяли на русского пленного. Это было уже после войны. — **Отец сильно изменился?** — Он весил 35 килограммов... Хотя во время войны его вес был около 135 килограммов. Естественно, это не могло не отразиться на здоровье. У него развился диабет. Прежний вес он так и не набрал. Но сейчас отец просится воевать вместе со мной. — **Вы ожидали, что украинцы будут защищаться так отчаянно?** — Это поражало. Особенно в первые дни Майдана, после избития студентов в Киеве. В то время как раз проводились соревнования на кубок мира по смешанным единоборствам, а я возглавляю национальную федерацию, был со спортсменами на соревнованиях в Азербайджане. Там не было украинской команды, поэтому мы вышли с двумя флагами — своим и украинским. Наши спортсмены завоевали три медали. Большим сюрпризом было для журналистов российского Первого канала, когда на пьедестале почта грузинские спортсмены появились с флагами Украины и сказали, что Грузия посвящает свои награды Майдану. Русские были очень недовольны. Так мы впервые выразили свою поддержку вашей стране, митингующим. И уже тогда я начал говорить с грузинами, у которых был военный опыт, собирать легион. — **Вы чувствовали, что у нас будет война?** — Да. Для меня Россия — легко предсказуемая страна. Еще до событий в Крыму я с единомышленниками приезжал в Донецк, видел, как раскачивают ситуацию, какие провокации устраивают в городе. Уже тогда появились сепаратистские вооруженные группы. Позже, когда стали создаваться добровольческие батальоны, мы начали обучать солдат, как обращаться с оружием, огневой подготовке, тактике ведения разведки... — **С какими подразделениями сейчас сотрудничаете?** — В основном, с одним из батальонов Министрства внутренних дел. Много работали с «Киевиной». Сейчас его объединили с «Миротворцем», наши легионеры тренируют новобранцев этого полка в Киевской области. Я считаю, что украинцы очень быстро отреагировали, смогли мобилизоваться и отстоять свою страну. Вы способны быстро реагировать на ситуацию, учиться. Грузинам гораздо сложнее подчиняться приказу. Поэтому у нас воюют, как правило, маленькими

группами. Чем больше подразделение, тем больше шума, возникает хаос... Ваши мужчины понимают, что такое дисциплина. Поэтому мир и удивился, увидев, что за несколько месяцев вы возродили армию. Я очень аккуратно отношусь к подбору кадров в легион. К нам не раз засылали провокаторов. Последний случай был, когда я ездил в Америку. Один из наших бойцов тут же позвонил на грузинское телевидение и рассказал в прямом эфире, что подразделение разваливается, а командир с большими деньгами уехал за границу. А я в это время выступал в Белом доме и просил помочь украинцам военными консультациями. Самое обидное, что того человека я успел наградить... Поэтому каждого нового бойца мы принимаем после тщательной проверки. — **С кем из украинских военных вы подружились, кто произвел на вас большое впечатление?** — Командир 11-го батальона «Киевская Русь» Александр Гуменюк. Мы познакомились в зоне АТО. Он производил очень мощное впечатление. Не раз с ним встречались, общались, обменивались планами. Это был очень хороший человек. Кстати, в Америке были собраны средства, которые мы решили передать вдове Гуменюка — она осталась одна с тремя сыновьями. Александр Леонидович напоминал мне моего отца. А еще меня поражает стойкость украинских женщин. Как они поддерживают своих мужчин, решивших пойти воевать! Такая моральная поддержка очень важна. Это мотивирует многих людей. А что делают волонтеры! Их вклад в победу огромен. И победа близка. Россия выдохлась, она уже не хочет и не может продолжать войну. — **Но ситуация остается нестабильной, военная техника из зоны АТО не выводится, продолжаются обстрелы...** — Сейчас идут политические игры. Россия пытается раскачивать ситуацию и в Грузии. Но она не сможет вести войну сразу на нескольких фронтах. Уверен, что в ближайшем будущем произойдет распад Российской Федерации. — **Сейчас многие склоняются к тому, что Украине следует отказаться от Донецка и Луганска.** — Ни за что! И обязательно нужно вернуть Крым. Это, без сомнения, ваша территория. Думаю, под воздействием мирового сообщества Россия откажется от оккупации. — **Что означает имя Мамука?** — Насколько я знаю, с греческого это слово переводится, как «восход солнца». Но мое имя по паспорту — Ушанги. Просто родители с детства называли меня Мамукой. — **Где вы получили образование?** — По профессии я дипломат. Учился в Париже. Удивительно, но то, что я делаю, противоречит тому, чему учился. Всегда занимался единоборствами, а это далеко не дипломатия. Выбирая профессию, хотел научиться решать конфликты мирным путем. Но вы сами видите — у нас такой сосед, с которым говорить на дипломатическом языке очень трудно» [21].

«Пережив одну войну в Сирии, а вторую — в родном Луганске, 44-летняя женщина стала волонтером и вовлекает в эту деятельность своих детей. «Говорят, что снаряд дважды в одну воронку не падает. Но это не про меня, — вздыхает 44-летняя Наталья Шахуд (на фото в заголовке). — Сначала я пережила ужасы войны в Сирии и бежала оттуда с детьми в Украину. Тогда мне казалось, что Луганск самое безопасное место. Кто мог подумать, что всего через три года здесь начнутся боевые действия?»

И снова обстрелы, страх, смерть... Я была вынуждена убежать от войны второй раз, но уже в своей родной стране».

— В Сирию я уехала в 1994 году вместе с мужем, — рассказывает Наталья. — А познакомилась нас моя мама (она работала нотариусом). В то время я только окончила школу и готовилась поступать в вуз, хотела стать дизайнером. После курсов рисования обычно забегала к маме на работу. Однажды прихожу, а в мамином кабинете сидит черноглазый парень. Ибрагим учился в Луганском мединституте, пришел к нотариусу оформлять покупку автомобиля и, как потом признался, увидев меня, влюбился без памяти. Сначала я отвергла ухаживания Ибрагима, но мама сумела меня переубедить: «Посмотри, какой хороший парень. Будет врачом, и при деньгах». Тогда многие думали, что выйти замуж за иностранца — это предел женского счастья. Ибрагим сильно отличался от наших мужчин. Был мужественный, самоуверенный, легко решал бытовые проблемы. В общем, через четыре месяца мы поженились. Спустя год у нас родилась дочь. Когда Ибрагим окончил мединститут, мы уехали на его родину, в Сирию. По местным традициям, молодая семья должна два года прожить под опекой родителей мужа, в их доме. Для меня это стало тяжелейшим испытанием. Было сложно жить по чужим и непонятным мне правилам. Через пару лет Ибрагим занял большой пост: его назначили заведующим банком крови в местной администрации. Мы смогли купить собственный дом и переехали от родителей мужа. У нас родились еще две дочери и сын. Жили мы по меркам Сирии очень хорошо. Но все изменилось в марте 2011 года. После серии восстаний на Ближнем Востоке (в Тунисе, Египте и Алжире произошли государственные перевороты. Эти события получили название «арабская весна». — Авт.) сирийцы тоже решили свергнуть действующего президента Башада Асада. По всей стране прокатилась волна демонстраций, люди требовали элементарной социальной защиты и повышения уровня жизни. В Сирии очень много семей живут за чертой бедности, практически в полной нищете. Однако власти объявили участников мирных протестов террористами, организовали мобилизацию и с помощью солдат попытались придушить восстание. Это привело к массовым беспорядкам. И тогда правительство начало «зачистки». Знакомые предупредили, что в нашем городе будет масштабная «зачистка». Но я даже не представляла, насколько это страшно. Сначала исчезла телефонная и мобильная связь. Потом мы услышали взрывы. Правительственные войска окружили город танками и обстреливали его по периметру, уничтожив почти все дома на окраине. После этого в город вошли солдаты. Они выламывали двери и, не разбираясь, расправлялись с людьми. Услышав, что в наш дом пытаются ворваться, я сама открыла двери. Зашли 12 мужчин в военной форме и с оружием. Они обыскали комнаты, перевернув все вверх дном. Я не смогла найти ключи от гаража, и они изрешетили пулями дверь... Когда солдаты ушли, я через окно увидела, как они вытащили из дома нашего соседа. Потом узнала, что его и еще троих мужчин из ближайших домов расстреляли. Военные вламывались в дома, убивали беззащитных граждан, забирали золото, деньги, мобильные телефоны... После такой «зачистки» горожане жили в страхе, боялись выйти

на улицу. Когда нам сообщили, что готовится вторая «зачистка», муж сказал: «Вам лучше уехать к твоим родителям в Луганск». Я быстро собрала вещи, взяла детей и улетела в Украину. Старшая дочь осталась в Сирии: за два месяца до этих событий она вышла замуж.

— Рассчитывала, что мы с детьми пробудем в Луганске недолго, — продолжает Наталья. — Но все вышло иначе. В Сирии началась гражданская война, и мой муж спешно выехал в Турцию. Ибрагим сказал, чтобы я с детьми перебиралась к нему. «Хорошо, — говорю, — но моих родителей тоже заберем». К тому времени мама полностью потеряла зрение, а болезненный парализовал отца к постели. Это разозлило Ибрагима: «Сдай своих родителей в дом престарелых!» И тогда я приняла решение остаться в Украине. Во-первых, не могла бросить больных маму и отца, а во-вторых, после той ситуации возненавидела мужа. Я устроилась на работу, а средней и младшей дочерям пришлось срочно изучать украинский язык. По результатам тестовых экзаменов старшая девочка вместо выпускного класса продолжила учебу в девятом, а младшая, семиклассница, попала в пятый. Как только на новом месте наладилась жизнь, началась война. В том, что сейчас происходит в Луганске, виноваты отчасти и сами луганчане. Я часто слышала, как местные пенсионеры мечтали о возвращении в Советский Союз, а младшее поколение почему-то считало себя русскими. Никто не противился захвату власти в городе, наоборот, большинство радывалось приходу «русской весны». Когда перестал ходить общественный транспорт, пропало электричество, а на улице постоянно разрывались снаряды, жить в городе стало невыносимо. Офис мобильной связи, где я работала, закрылся. Потом умерла моя мама... Днем, под обстрелами, я бежала за водой на другой конец города. В Луганск перестали завозить продукты, мы голодали. Дети страшно боялись бомбежек, а я каждый раз молилась, чтобы только наш дом не зацепило. На моих глазах осколки снаряда ранили соседку, а я не смогла вызвать «скорую», потому что мобильная связь не работала. Остановила проезжавшую мимо машину, попросила водителя доехать до ближайшей больницы и сообщить о раненой. Когда приехала «скорая», соседка уже скончалась... Я много размышляла, почему война ходит за мной по пятам. И поняла: мы живем в смутное время, и в Сирии, и в Украине ситуация в чем-то похожи. Может, война нужна для того, чтобы люди научились ценить жизнь, добро, милосердие? В августе 2014 года, когда бомбили так, что земля дрожала под ногами, и я думала, что мы все погибнем, позвонил знакомый: «Вы еще в Луганске?! Немедленно уезжайте!» «А куда?» — спрашиваю его. «В Счастье пустует мамина однокомнатная квартира. Можете пожить там», — говорит. Я ухватилась за эту возможность. Город Счастье под контролем украинской армии, там, говорили, люди живут намного лучше. Да, часто обстреливают, но есть продукты, вода и свет.

Тот же знакомый помог мне перевезти отца, детей и наши вещи. Местные власти всячески поддерживают беженцев, нам сразу начали выдавать гуманитарную помощь. Помогли переоформить документы, чтобы мой отец смог получать пенсию по инвалидности. Буквально с первого же месяца нам

стали выплачивать компенсацию от государства как переселенцам. Я бесконечно благодарна сотрудникам городской администрации за участие и отзывчивость. Нигде не встречала таких душевных людей, как в городе Счастье.

— Я пыталась устроиться на работу в Счастье, но места были заняты, — рассказывает Наталья Шахунд. — Тогда отправилась в городскую администрацию: «Вам нужны помощники? Я готова выполнить любое задание». Мне хотелось хоть как-то отблагодарить город за добро. В мэрии сказали, что им как раз требуются волонтеры. Гуманитарную помощь, которой местных жителей и переселенцев обеспечивает штаб Рината Ахметова, в Счастье распределяют при активной помощи городских властей. Сначала я собирала анкетные данные тех, кому положена помощь. Потом меня попросили постоять на выдаче гуманитарных наборов, и оказалось, что это у меня хорошо получается. Это работа не из легких. Штаб Ахметова регулирует выдачу продуктовых наборов таким образом, чтобы не было очередей, и люди не ощущали дискомфорта. Но «профессиональные получатели» и скандалисты постоянно создают проблемы. Первые обманом пытаются взять по несколько продуктовых наборов. Вторые приходят ругаться: «Моей соседке продукты дали. А чем я хуже?» Объясняю, что, мол, штаб опекает только тех, кто действительно нуждается. Мы ведь по несколько раз проверяем информацию. Но разве меня слушают? Кричат: «Вы воруете мои продукты!» Случалось такое, что приходилось вызывать милицию. Но все эти неприятности с лихвой компенсируют моменты, когда ощущаешь моральную отдачу за свои старания. Например, молодая мама признается, что потеряла молоко, и детское питание из гуманитарного набора кормит ее дитя. Или, бывает, помогу старушке вынести пакет из здания и погрузить его на тележку, а она удивляется: «У вас такой сервис!» Да просто услышать «спасибо» для меня большая радость. Стараюсь привлекать младшую дочь, 15-летнюю Лину, к волонтерской деятельности. Это учит понимать людей, развивает чувство ответственности и сострадания. Лина часто приходит ко мне на работу, подносит документы и продуктовые наборы. Средняя дочка сейчас учится в Виннице, поэтому у меня только одна помощница. Мои младшие дети до сих пор не могут оправиться от пережитого ужаса сначала в Сирии, а потом в Луганске. Шестилетний сынишка Ахмат пугается громких звуков и страшно боится фейерверков. Год назад Счастье сильно обстреливали. Мы не ходили в бомбоубежище из-за моего папы, он ведь инвалид, и прятались в коридоре. Один раз мина упала на крышу нашего дома, и в квартирах вынесло стекла. После этого Ахмат начал спать... в шкафу. Я соорудила ему там постельку. А Лина на ночь укладывается на матрасе возле входной двери — это самое безопасное место в квартире. Сейчас я совмещаю волонтерскую деятельность и официальную работу. Недавно мне сообщили, что мэрии требуются социальные работники, а желающих ими стать нет. Во-первых, работа тяжелая, а во-вторых, нужно было восстановить базу данных по инвалидам и одиноким пожилым людям, утраченную после захвата Луганска террористами. Но меня эти трудности не испугали. Я уже много лет ухаживаю за отцом, необходимые навыки есть. А обойти

дома, найти инвалидов — разве это так сложно? В общем, я взялась за эту работу. Теперь опекаю 12 одиноких и тяжелобольных людей. Это самое малое, что я могу сделать для Счастья — города, который стал моим вторым домом» [22].

«Когда в киевский офис, где временно ютилась семья Новосельцевых из Углегорска, приходили волонтеры и журналисты, дети рассказывали о том, как они жили раньше.

— Сейчас в нашей семье пятеро детей, — говорил шестилетний Павлик. — А было шестеро. Был еще младший братик Тимоша. Маленький такой, ниже меня на голову. Ему было два годика, он много бегал и смешно хихал. Мы все очень его любили. Тимошу убило снарядом. Еще убило нашего папу и тетю Лию.

— А тетя ведь была совсем молодой! — рассказывали 10-летние Анечка и Юля. — Ей исполнилось всего двадцать лет. Она даже замуж не успела выйти. Погибла. Теперь Лия с папой и Тимошей живут на небе. А мы остались здесь и нам без них очень трудно.

Рассказывая о горе, которое принесла в их семью война, мама детей Елена Новосельцева не сдерживала слез. В январе нынешнего года женщина с пятью детьми и пожилыми родителями чудом выехала из Углегорска, где бомбили жилые дома. Приехала в Киев, но здесь идти ей было некуда. Благо, нашли добрые люди, которые разрешили многодетной семье пожить в офисном помещении.

— Мы понимали, что не сможем находиться в офисе всегда, — говорит Елена Новосельцева. — Ведь это здание — не жилое. Я со страхом думала о том, что будет дальше. Честно говоря, не верилось, что кто-то просто так может подарить нам квартиру.

Мечта, которую Елена Новосельцева даже боялась озвучивать, сбылась. Буквально на днях киевский бизнесмен, пожелавший остаться неизвестным, подарил семье пятикомнатную квартиру в центре Киева. Получив ключи от своего нового дома (это случилось на торжественной церемонии в Национальном культурно-художественном и музейном комплексе «Мистецький арсенал»), женщина расплакалась. «Не знаю, как благодарить этого доброго человека, — сказала Елена. — Он спас нашу семью». О том, что Новосельцевым пришлось пережить в родном городе, Елена старается не вспоминать. Особенно при детях.

— Мы не покинули Углегорск раньше, потому что нам не было куда ехать, — рассказывала зимой корреспонденту «ФАКТОВ» Елена Новосельцева. — До января 2015 г. наш город так сильно не обстреливали. Конечно, было неспокойно. По улицам ходили военные, на блокпостах проверяли документы, но мы надеялись, что со временем все наладится. Помню, как перед Новым годом спросила мужа: «Женя, может, уедем отсюда?» Но он отказывался: «И кому мы в другом городе нужны? Где и на что жить будем? А здесь работа, дом, родственники». Это действительно так. Муж работал слесарем на углегорской теплосети, сотрудники его очень уважали, ценили. Наш дом он построил своими руками, провел в нем газ, облицевал плиткой кухню... Хотя будь у нас деньги, мы бы уехали, начали все сначала. Но супруг с мая прошлого года не получал зарплату, и все наши

сбереження закончилися достатньо швидко. Однажды вместе с детьми я пошла за гуманитарной помощью. Увидев нас, солдаты украинской армии поделились своими пайками. Когда рассказала об этом Жене, он подбодрил: «Видишь, с такими парнями не пропадем». Кто же знал, что все так страшно закончится...

Когда Углегорск начали сильно обстреливать, мы с мужем поняли, что находиться в нашем доме слишком опасно, и решили переехать к родителям, которые живут в десяти минутах ходьбы от нас. У них хороший подвал, где можно укрыться. Я собрала самые необходимые вещи, деньги, документы, сложила в кулек сухари, печенье, макароны, гречку. А когда в прихожей уже одевала детей, за моей спиной разорвался снаряд. От него отлетели еще три «части», которые тоже взорвались. Один из осколков попал мне в правую ногу, и я инстинктивно подалась вперед. Муж закричал: «Ложись!» — и прыгнул на двухлетнего Тимошу, пытаясь закрыть его собой. Но это не помогло... Они оба погибли.

— Осколок снаряда попал зятю в шею, — добавил отец Елены Павел. — Он еще успел крикнуть: «Лена, спрячь детей!» Тимоше, которого пытался спасти Женья, осколок угодил прямо в висок...

— Тогда же была смертельно ранена и моя 20-летняя сестра Лия, которая, спрятав за спиной десятилетнего племянника, попала под удар, — продолжила Елена. — Мы вместе с пятью выжившими детьми закрылись в ванной. Вдруг за нами пришел сосед. Он был уверен, что при таком взрыве никто не выжил, но все же решил проверить. Сосед помог нам выбраться из дома. Это было трудно, ведь вход оказался полностью завален. Из моей раненой ноги текла кровь, но из-за шока я не чувствовала боли и шла. Оглянувшись, увидела, что верхней половины нашего дома больше нет, отдельные его части горели. Это было страшнее, чем в фильме ужасов.

Елена с детьми побежала в дом родителей. Следующие четыре дня просидели в их подвале и все время слышали, как стреляют.

— Мама долго не могла поверить, что Жени, Лии и Тимоши больше нет, постоянно говорила: «Может, они выжили и сейчас придут к нам?» — рассказывала Елена. — Приготовить еду в подвале мы не могли, а запасы сухарей и печенья уже заканчивались. Тогда отец поднялся в дом, чтобы сварить суп на газовой горелке. Я ему кричала: «Папа, не нужно!», а он сопротивлялся: «Мои внуки должны быть сыты».

Я выросла в многодетной семье. У моей мамы шестеро детей: три сына и три дочери. И у нас с мужем тоже так было. Мы с сестрами и братьями жили недалеко друг от друга, вместе отмечали праздники. В доме всегда раздавался детский смех, царил суеда. А теперь в подвале стояла непривычная и ужасная тишина. Я постоянно думала: мы с мамой опять сравнялись — у каждой из нас осталось по пять детей...

Выбраться из Углегорска Елене удалось, когда в городе стали реже стрелять. Вдову с пятью детьми вывезла из города старшая сестра со своим мужем, у которого было два микроавтобуса. По дороге забирала родственников и соседей.

— В бюро ритуальных услуг мама успела взять три гроба, и мы заехали в наш дом за телами, ко-

торые погрузили в микроавтобус, — вспоминала женщина. — Похоронили мужа, сестру и сыночка уже в Дружковке. И даже там на кладбище слышали, как стреляют. Дорога из Углегорска была страшной. Из окна машины я всюду видела погибших — без ног, рук, головы...

В Дружковке Елену Новосельцеву отвезли в больницу, врачи осмотрели травмированную ногу и достали из нее осколок. С момента ранения прошло уже пять дней, и женщина чувствовала себя совсем плохо, поднялась температура. Но еще больше ее беспокоило то, что в Киеве, куда Новосельцевы поехали дальше, им негде жить. К счастью, вдову с детьми приютил киевлянин, знакомый их соседа из Углегорска.

В офисном здании, кроме Новосельцевых, жили еще четыре семьи с детьми. Малыши спали по двое на одной постели. Но переселенцы были рады и этому. Дети показывали журналистам одежду и игрушки, которые им принесли неравнодушные люди. И признавались, что уже очень соскучились по школе.

— Я и не думал, что буду скучать по урокам, — сказал 11-летний Марик. — Уже хочу увидеть новых одноклассников. У нас, правда, нет тетрадей, ручек, карандашей, альбомов для рисования, спортивной формы и кроссовок. Но я думаю, что учителя не будут сердиться.

Теперь все, кроме шестилетнего Паши, уже ходят в школу. У детей есть и тетради, и ручки, и карандаши. Это и многое другое люди подарили им после публикации «ФАКТОВ».

— Если можно, напишите, что мы очень благодарны всем, кто нам помогал, — голос Елены Новосельцевой дрожит. — Мы ведь приехали голые и босые. Не успели взять даже одежду и запасное белье для детей. Майки, колготки, свитера — все это принесли добрые люди. Одна добрая женщина отвела ребятишек в парикмахерскую подстричься, а затем фотографировать на документы. Дедушка из соседнего дома, увидев, что некоторые дети простужены, дал нам таблетки от кашля. Многие приносят готовое мясо, домашнюю выпечку, творог, сладости. Мы даже представить не могли, что здесь так много добрых и отзывчивых людей. Сейчас дети ходят в киевскую школу. Они уже подружались с одноклассниками, прекрасно отзываются об учителях. Возвращаются из школы довольные, улыбаются. Я очень этому рада.

Но вопрос с жильем оставался нерешенным. Хозяин офиса, в котором мы жили, даже водил нас с детьми на прием к киевскому мэру. Мэр сказал, что поможет Павлику из Углегорска (он запомнил сыночка, поскольку тот сел в его кресло), но, к сожалению, не получилось. Тогда хозяин офиса познакомил нас с генеральным директором комплекса «Мистецький арсенал» Натальей Заболотной. К моему удивлению, она приняла наши проблемы близко к сердцу. Наталья Филипповна сразу стала помогать. Подняла все свои связи, рассказала о нас друзьям и знакомым. Постоянно звонила, спрашивала как дела. На первую встречу с ней дети поехали с моей сестрой. Я тогда почти не выходила из дома из-за больной ноги. Когда

стало лучше, встретились. Сейчас Наталья Филипповна стала нам как родная. Увидев ее, дети тут же бегут обниматься. Они очень ее полюбили.

— Знаете, после гибели мужа, я не представляла, что будет дальше, — вздыхает Елена. — Как жить, как самой поднимать детей? Я ведь давно уже не работала — все время находилась в декретном отпуске. С Женей мы были как за каменной стеной. Только благодаря помощи людей здесь, в Киеве, почувствовала, что я не одна.

Когда Наталья Заболотная сообщила Елене, что меценат хочет подарить ей квартиру, многодетная мама не поверила. Особенно, услышав, что эта квартира пятикомнатная и в центре Киева.

— Я долго смотрела на Наталью Филипповну и повторяла: «Не может быть... Так не бывает!» — вспоминает Елена. — Но оказывается, бывает. Я и сама не знаю, кто этот человек. Квартира, которую он подарил нам, — в новом доме. Еще несколько месяцев назад это была просто «коробка» с голыми стенами. Но волонтеры и меценаты в рекордные сроки сделали там ремонт. Увидев этот ремонт, я расплакалась от счастья. Как люди, которые оформляли квартиру, так угадали наши желания? Все в нежных пастельных тонах, как я люблю. Красивые полочки для детских книг, удобные кровати. А кухня! Такая большая, просторная, с новой техникой. Я очень люблю готовить. Теперь есть где этим заниматься.

— А нам есть где учить уроки, — добавляет **восьмилетняя Катюша**. — У меня недавно был день рождения, и в школе подарили набор для творчества. В школе вообще очень здорово. Знаете, когда мы приехали в Киев, часто плакали, хотели вернуться домой. Но теперь нам и здесь хорошо. А домой нельзя. Там стреляют.

— Для нас для всех теперь это главное: только бы не стреляли, — тихо произносит Елена. — Первое время дети вздрагивали от любого резкого звука, даже от стука двери. Все напоминало о взрывах. С ребятами работали профессиональные психологи. Сейчас уже легче. Дети постепенно привыкают к мысли, что они в безопасности. При них я стараюсь не говорить о том, что пережили. Но, конечно, мы не можем забыть папу, маленького Тимошу, тетю Люю... От них у нас остались только воспоминания и несколько фотографий. Мы даже не можем навесить их могилы, ведь похоронили близких в Донецкой области. Когда к нам пришли журналисты, Паша первым делом показал им фотографию: «Это наш папа. Мы очень его любим». Сейчас учимся жить без Жени. Учимся не унывать, надеяться на лучшее. Это тяжело. Помогает вера и мысль о том, что мы не одни.

— Теперь у Новосельцевых появилась своя квартира и шанс на полноценную жизнь, — говорит **генеральный директор «Мистецького арсенала» Наталья Заболотная**. — Историю этой замечательной семьи я рассказывала многим своим друзьям. Большое счастье, что у нас есть неравнодушные люди, при содействии которых семья Новосельцевых получила благоустроенную квартиру в собственность. Подарок организовал человек, который не захотел оглашать свое имя. Могу сказать о нем только то, что это

хороший человек и настоящий меценат, который постоянно поддерживал бойцов в зоне АТО и в рамках акции «С теплом в сердце» помог закупить одежду для 500 детей-сирот.

— Паше недавно исполнилось шесть, уже в следующем году он пойдет в школу, — рассказывает Елена Новосельцева. — Пока пытаюсь устроить его в детский сад. Это даст мне возможность работать. Пенсия по потере кормильца маленькая. На эти деньги пятерых детей не прокормишь. Сейчас нам помогают волонтеры, но неудобно жить за счет добрых людей. Поэтому согласна на любую работу. Пока мне есть ради кого жить, я не сдамся» [23].

«После гибели 19-летнего Устима Голоднюка отец парня Владимир занялся волонтерством, за что получил орден «Народный герой Украины». В День защитника страны мужчина вместе с родителями Романа Гурика, тоже погибшего в феврале 2014 года, открыли памятник Роману Гурику, который стал символом Небесной сотни. В глазах этого 46-летнего мужчины словно застыла боль. Он не может сдержать слез, когда говорит о погибшем на Майдане сыне. Слишком тяжелая потеря. Устиму было всего 19 лет. Он приехал на Майдан из родного Збаража Тернопольской области еще в двадцатых числах ноября 2013 года. В роковую для страны ночь 30 ноября Устим был среди избитых студентов. Серьезно пострадал — ему на затылок пришлось наложить 12 швов! Именно он придумал сигнал об опасности «Небо падает». 20 февраля по Институтской улице Устим поднимался в ярко-голубой миротворческой каске. Снайперу было удобно целиться... Отец Устима Владимир в тот день тоже был на Майдане. Ему сообщили о гибели сына по телефону. Он тут же прибежал в холл гостиницы «Украина», куда приносили погибших и доставляли раненых. Весь мир обошли кадры: плачущий мужчина с окровавленной голубой каской, в которой четко видно пулевое отверстие, склонился над телом сына... Я познакомилась с Владимиром в Одессе после вручения ему волонтерской награды «Народный герой Украины» за его помощь армии. Принимая орден из рук губернатора Одесской области Михеила Саакашвили, Владимир сказал: «Мы будем помогать, сколько сможем. Вплоть до победы». Уже на следующий день, 14 октября 2015 г., в День защитника Украины и Покрова Пресвятой Богородицы Владимир был в Ивано-Франковске, где при входе в сквер в центре города теперь стоит памятник Роману Гурику и всем **Героям Небесной сотни**.

— С Ириной и Игорем Гурик нас познакомили наши погибшие дети, — говорит **Владимир Голоднюк**. — Ромчику, как и моему Устимчику, было всего 19 лет. Для меня родители погибшего иванофранковца стали примером — горе их не сломало, стержень в обоих сильнейший. Во многом наши дети были похожи. Чем больше я узнавал о Ромчике, тем сильнее восхищался им. Он был неординарным, увлекающимся, постоянно в поиске, читал серьезную литературу. Ира и Игорь задумали создать в Ивано-Франковске «Аллею славы». Бронзовая фигура Романа при входе произвела на меня громадное впечатление. Это мемориал всем нашим детям. К его созданию и воплощению причастны меценаты и политики Ивано-Франковска.

Но как деликатно они вели себя, словом нигде не обмолвились о помощи. — **Владимир, когда вы занялись волонтерством?** — Первую помощь в зону АТО я отправил 6 июня 2014 года. Ко мне обратился военком: «Мобилизовали шестерых жителей Збаражского района, им нужны бронезилеты, форма. Можете, помогут твои знакомые из числа майдановцев?» Я позвонил ребятам. И мы быстро экипировали бойцов. Так я включился в работу. Вскоре создал «Штаб национального сопротивления». Волонтерство стало той соломинкой, которая помогла мне прийти в себя, ведь я был полностью разбит... Помню каждый момент жизни Устимчика. Как забирал его из роддома, как целовал розовые пяточки, как вел в первый класс, как он надел форму львовского лицея имени Героев Крут. И я же закрыл ему глаза... Погиб продолжатель нашего рода. Когда я прибежал в холл гостиницы «Украина», тело сына было еще теплым. Я чувствовал, как его душа улетает... Помощь армии стала для меня настоящим спасением. Я тогда не разбирался, какими должны быть пластины для бронезилетов, из какой ткани шить летнюю и зимнюю форму. Ко мне присоединились пятеро единомышленников. Мы стали собирать деньги, обращаться к главам сельсоветов, придумывать разные акции. Чтобы понять, какие на фронте нужны каски, поехал в Киев к Георгию Туке, создавшему волонтерскую организацию «Народный тыл». Он помог мне разобраться во всех тонкостях. Начали покупать каски в Польше, Германии, Италии. На данный момент опекаем 470 служащих в зоне АТО жителей Збаражского района. — **Вы сами ездите в зону АТО?** — Впервые отправился туда 6 декабря 2014 года. Меня постоянно тянуло побывать там, увидеть все своими глазами. И однажды с грузом отправился к ребятам. Я видел Трехизбенку, Крымское, Счастье, Дебальцево. Побывал на 31 блокпосту, вокруг которого прошлой зимой шли тяжелые бои. Поездки на войну затягивают. Попав туда один раз, не можешь больше не ездить. Там жизнь совсем не такая, как здесь. Рядом с бойцами чувствуешь любовь и защиту. — **Вам приходилось хоронить кого-то из тех, кому вы помогали?** — К сожалению, да. На данный момент погибли четыре жителя нашего района. Первым был Тарас Михальский. Когда мы в нашем «Штабе национального сопротивления» подбирали ему форму, нас снимал режиссер документального проекта «Вавилон 13». Я иногда пересматриваю те кадры. Мы с Тарасом шутили, смеемся, он комментирует свои обновки. В тот же день мужчина уехал на фронт. Больше живым я его не видел. Тарас погиб 19 октября 2014 г. — в БТР сдетонировал боекомплект. Тело было сильно изувечено, несколько месяцев его невозможно было забрать с вражеской территории. После гибели Тараса я впал в депрессию. Мы росли по соседству. Мне было лет двенадцать, когда его мама гуляла с сыном в коляске. Вместе с его старшим братом Иваном мы играли в «войнушку», гоняли на футбольном поле. После гибели Тараса чувствовал свою вину, недоработку... Но бывают у нас и счастливые моменты. Недавно в штаб зашла женщина, поставила на стул бутылку коньяка. «Бронезилет, который вы купили, вчера спас моему сыну жизнь», — сказала она. — Все осколки вошли в пластину...» Еще одна «броня» приняла в себя 24 осколка!

Только один попал в руку бойца. Он подлечился и вернулся на войну. Это Виталий Кобко, одноклассник моего Устимчика. Вот эти примеры и становятся наибольшей мотивацией для того, чтобы продолжать свое дело, не опускать руки. — **У вас много единомышленников?** — Достаточно. Многие волонтеры, как и я, в ущерб своим семьям. Есть у нас Иванка, мама двух деток. Отведет одного в сад, другого в школу — и в штаб. Лена и Виктор Шевчук, чтобы доехать к нам, преодолевают 28 километров, оставив дома дочку. Пенсионер Семенович не может помочь деньгами, поэтому пакует посылки и отвозит их на почту. Пани Ирина, провизор на пенсии, формирует аптечки. Каждый день к нам приезжают школьницы и плетут маскировочные сетки. Сейчас нам помогает Сергей — боец, который прошел Дебальцево. Он был тяжело ранен. Осколки попали в живот, выбили кусок кости из руки. Ему сделали много операций. Когда проходил реабилитацию, Сергей пришел к нам. Мы на базе «Штаба национального сопротивления» создали «Союз ветеранов АТО», чтобы собрать всех бойцов района вместе, помогать им решать социальные вопросы после возвращения с фронта. Еще ремонтируем БТРы, покупаем машины, тепловизоры. Да что говорить: покупка лопат и гвоздей тоже ложится на плечи волонтеров. Люди нас поддерживают, помогают, доверяют. А представители местной администрации относятся не очень хорошо. Наградили мы бойцов ко Дню защитника Украины — журналисты городских газет проигнорировали это событие. Организовали концерт, чтобы собрать средства на покупку необходимого для наших ребят в зоне АТО, — нас не заметили. При этом постоянно слышу: «Да этот Голоднюк просто пиарится на смерти сына». Как так можно? Просто наш штаб становится мощной организацией. Но я говорил и говорю, что, пока война не окончится, ни на какие выборы не пойду, хотя предложения от нескольких политических сил получал. — **Где вы берете средства на покупку дорогой оптики, машин?** — В селах люди, как колядники, время от времени ходят от дома к дому, собирая продукты. Деньги дают те, кто уехал на заработки за границу. Детские рисунки, вышивки, мягкие игрушки мы продавали в Италии, Венгрии. Также устраиваем аукционы, на которых выставляем расписанные художниками гильзы артиллерийских снарядов. И я отчитываюсь о каждой потраченной копейке. Однажды, уверен, всех волонтеров попытаются уличить или обвинить в обогащении за счет пожертвований. Я каждый день готов к отчету.

В Одессе орден «Народный герой Украины» получил и военный капеллан Игорь Федоришин («ФАКТЫ» рассказывали о нем). Оказалось, отец Игорь и Владимир Голоднюк — однокурсники, вместе учились в Винницком педагогическом университете, участвовали в Революции на граните.

— Так случилось, что Игорь отпел Устимчика прямо в холле гостиницы «Украина», — говорит Владимир. — Он тоже практически все время проводил на киевском Майдане. И узнал о гибели моего сына одним из первых. Уже тогда мне, ничего не понимающему, он говорил: «Надо жить ради памяти сына». — **Как вы познакомились?** — Когда мы с Игорем учились, Винница была совершенно русскоязычной.

На всем потоке только мы с Игорем носили значки в виде украинского флага и говорили по-украински. Это нас и объединило. Игорь рассказывал, что служил в Афганистане, участвовал в боях, видел, как гибнут ребята. На него самого домой пришла похоронка. Родители даже поставили крест, а вскоре Игорь вернулся домой. После первого курса мой друг решил стать священником и поехал учиться в открывшуюся Львовскую семинарию. Несколько лет мы общались редко, но затем снова стали чаще созваниваться, делиться радостями и бедами. Последние полтора года Игорь постоянно рядом со мной. Поддерживает, вдохновляет, заставляет жить. Я очень рад, что он стал Народным героем Украины. Он же находится на передовой рядом с бойцами. Проводит службы даже под обстрелами. Узнав, что капеллан ездит на фронт без защиты, мы подарили ему бронезилет и каску. Игорь — настоящий психолог для воюющих ребят. Это очень важно» [24].

«Народный артист Украины Виктор Павлик вернулся из поездки в зону АТО, где побывал с концертами. Инициатором совместного творческого проекта Антитеррористического центра и Дворца «Украина» стала известная певица Оксана Билозир. Она первой отправилась в зону АТО, чтобы выступить, поддержать людей в прифронтовой зоне, куда в течение нынешнего года боялись ехать украинские артисты. Еще несколько недель назад там свистели пули и гремели взрывы. За месяц в зоне АТО выступили многие украинские певцы: Иво Бобул, Жанна Боднарук, Анатолий Карпенко, Анастасия Лавриненко. На днях из тура по Луганской и Донецкой областях вернулся и Виктор Павлик. Своими эмоциями он поделился с «ФАКТАМИ».

— Вы даже не можете себе представить, как нас встречали местные жители! — осипшим голосом сказал Виктор Павлик по телефону. — Я впервые побывал в местах, где раньше украинские артисты не выступали — Счастье, Станица Луганская, Петровское... И не потому, что война. Туда вообще не приезжали артисты. Последний год там велись активные боевые действия, поэтому не до концертов было. Сейчас все затихло, люди ждут мира и спокойствия. — Где еще вы были? — Сначала мы приехали в Краматорск и сразу, «с колес», дали для наших военных концерт в штабе Антитеррористического центра. Специально для этого тура я подготовил программу из своих авторских композиций, народных песен о жизни, любви, вере и Боге. О том, что сейчас действительно важно для каждого из нас. Особенно там, где жизнь и смерть ходят по одной линии.

Выступал за полтора километра от передовой, с дороги были видны места расположения сепаратистов. А вдоль дороги деревья в практически лысой, без листьев, лесополосе будто срезаны — результат недавних обстрелов. Для меня это было шоком, ведь так близко к настоящей войне я еще не подходил, хотя и выступал в госпиталях перед нашими военными. Мы ехали очень быстро, ведь дорога могла простреливаться сепаратистам. Но, слава Богу, в зоне АТО было тихо. Я даже уговорил ребят, которые меня охраняли и сопровождали, на минутку остановиться, чтобы сделать фотографии. В Константиновке выступал в здании школы,

среди зрителей были и «киборги», прошедшие пекло Донецкого аэропорта. — Кто вас охранял? — Ребята из «Альфы», человек шесть крепких, вооруженных по полной программе военных. Передвигались на бронированной машине. Даже ночью, когда я останавливался в гостинице в Краматорске, возле номера постоянно дежурил кто-то из спецов. Так что я чувствовал себя президентом. Сначала возмущался, зачем все это? Но мне сказали: так положено, а вдруг тебя снайпер снимет, кто будет за это отвечать? — Вам угрожала реальная опасность? — Да тихо было. По дороге видел нашу военную технику, которую отводили от передовой. Есть, конечно, разрушенные дома, поваленные заборы, но в целом, можно сказать, что там мирная жизнь. Когда был в Станице Луганской, у меня вообще сложилось впечатление, что нет рядом никакой опасности и войны. Все работает, в магазинах полно продуктов, люди ходят по улицам, живут своей жизнью. Местные считают, что война закончилась. А тут еще и я с концертом. Правда, в доме культуры, где выступал, прямо возле сцены зияла огромная дыра от снаряда. А на одной из стен изображен лик Божьей Матери. Зрители подходили, некоторые плакали. К сожалению, после концерта было очень мало времени, чтобы пообщаться. Но то, что я услышал, меня поразило. Люди осознали, что ошибались, и очень благодарны за шанс, который Украина дает тем, кто перешел на сторону врага, но не совершил преступлений. Признаюсь, вторая часть концерта была особенно сложной, нужно ведь найти подходящие слова для каждого, никого не обделить вниманием. Когда выступление закончилось, зрители захотели получить автограф, сфотографироваться, высказать свое мнение и вручить подарки. — Что подарили? — Рисунки, браслеты, а в Артемовске военные преподнесли светильник из соляной глыбы. Военным приходилось порой торопить меня, чтобы успеть выступить в других городах. В день давал по три концерта. Голос садился, но я не мог позволить себе «фанерить». Вечером вообще разговаривать не мог, но на утро откуда-то брались силы. Спал по 4–5 часов в сутки, плюс переезды. Устал, конечно, все-таки возраст берет свое. — Да ладно вам, сами знаете, что выглядите гораздо моложе своего возраста! — При спокойном ритме жизни и чувствую себя еще ничего. Я ведь совсем не употребляю алкоголь, очень внимательно отношусь к питанию. На завтрак, например, уже лет 20 ем овсянку на воде, одно яйцо всмятку и черный хлеб с чаем. И в будни, и в праздники, где бы я не был, не отступаю от этого правила. Каждый вторник хожу в баню, играю в футбол. И душе, и телу важно постоянно уделять внимание, чтобы чувствовать себя гармонично» [25].

«36-летний Роман Кисляк не любит слово беженец, поэтому и называет себя странником поневоле. Из родной Макеевки во Львов он приехал год назад один, без родителей. Раньше Рома без мамы и папы не мог прожить и дня, ведь страдает ДЦП. Однако, когда ощутил у виска приставленное боевиком дуло автомата и лишь чудо спасло его от смерти, понял: пришло время покинуть родные края. Тогда он сел в поезд и отправился в путь,

веря, что сумеет начать жизнь заново. Настойчивость, оптимизм помогли этому жизнерадостному и трудолюбивому парню найти свое место в незнакомом городе.

— Извините, что заставил ждать, попал в заторы! — подбегав на белом «Рено», виновато улыбается **Роман Кисляк**. — Как-то одному терпеливому клиенту, к которому добирался дольше, чем рассчитывал, сразу сказал: «Теперь, мужик, я тебе должен!» Слава Богу, люди во Львове добрые, великодушные. Даже когда некоторые новые знакомые «величают» меня «москалем», не обижаюсь. Но приятнее, если называют «схидняком». Кстати, в родном Донбассе я уже, наверное, «бандеровец»...

— **Вы так виртуозно ездите. Давно за рулем?**

— Пятнадцать лет назад стал водить отцовскую «Шкоду», тогда и понял — это мое! Немного таксовал в Донецке. Ведь сколько помню себя — не мог сидеть дома без дела. К тому же пенсия по инвалидности мизерная, вот и подрабатывал. Взял в кредит иномарку «Опель-Астра». Однако из-за кризиса машину пришлось продать. Затем хороший знакомый одолжил денег на автомобиль. И я снова купил легковушку. А через полгода начался Майдан. Зарабатывать стало сложнее. Так что вынужден был продать и этот автомобиль, чтобы рассчитаться с долгами.

Впрочем, когда приверженцы «русского мира» разожгли в Донбассе войну, мои собственные неудачи оказались такими мелкими. Боевики начали уничтожать все украинское, и мне стало не по себе. Тогда впервые просто до боли осознал, что моя родина — Украина. Ни в какую Россию не хочу! Еще раньше я познакомился с общественными активистами на донецком Майдане. У них и поинтересовался, чем могу быть полезен. Ребята, узнав, что я могу водить машину, предоставили мне старенькую «Таврию» и попросили вывезти мирных жителей из горячих точек и оккупированных территорий. Помню, как-то в Снежном полный салон пассажиров набился. Отъезжая, я заметил, с какой тоской провожают нас взглядом пожилой мужчина и паренек — им места не хватило. Так мне жаль стало их! Сдал назад, спросил, есть ли у мужчины при себе паспорт. Да, говорит, только там львовская прописка. Я понимал: человека со львовской регистрацией брать опасно. Ведь нам следовало проехать шесть сепаратистских блокпостов. Если боевики обнаружат пассажира-львовянина, могут всех перестрелять. Жителей западных регионов Украины они считают заклятыми врагами. Невзирая на риск, мои пассажиры потеснились и затолкали деда себе под ноги, пристроили и парнишку. Не понимаю, как тогда моя легковушка поместила 13 человек! Бог нас хранил — удалось прорваться без приключений. — Сколько же всего людей вам удалось эвакуировать с оккупированной территории? — 75 человек. Бывало, в день по тысяче километров наматывал! Спасал людей и мой отец-шахтер. Как-то я спросил у своих пассажиров, дескать, не боитесь со мной, инвалидом, ехать. Ответ порадовал: «Успокойся, все в порядке». Наверное, пришло время, когда и такие, как я, могут заниматься серьезным делом.

Как-то отправился в Пески, это село у самого Донецкого аэропорта. Дорога разбомблена, завалена

деревьями, изрыта воронками. На полях — мины, растяжки. Как добраться в село за пассажиркой, непонятно. Подобрал по пути двух местных жительниц, они и показали дом бабульки, которую я планировал увезти. Пожилая женщина была очень измождена, ведь две недели пряталась от бомбежек в подвале, залитом водой. Она плакала, рассказывая, что дом ее остался без крыши, и с благодарностью вспоминала наших солдат, которые приносили ей хлеб. Помню еще одну старушку. Когда мы вместе с друзьями-майдановцами привезли ей продукты, она... упала перед нами на колени.

Война — это ужас, наваждение, безумие! Хозяйничание на нашей земле боевики жестоко, изощренно издеваются над людьми. В пыточные камеры они превратили даже церкви, учебные заведения! Моего знакомого расстреляли просто так, ради забавы. Сначала отрезали воробью крылья и бросили его в фонтан. А знакомому приказали спасти несчастную тонущую птичку. Он ступил в воду, и его тут же изрешетили пулями...

— **Не страшно было ездить на оккупированные территории?**

— Страшно. На каждом сепаратистском блокпосту приходилось выходить, чтобы меня проверили, машину досмотрели. Однажды я таки попался в руки «дзэнэровцам». В конце июля прошлого года приехал в Шахтерск за пассажиром. В городе настоящий ад — улицы безлюдны, горят дома, магазины, заправки. Неожиданно прямо из дыма и огня выныривают несколько боевиков в военной форме с нашивками «ДНР». Один из них тут же приставил к моей голове автомат. Когда я попросил убрать пушку, потому что мне страшно, он выстрелил в воздух и спросил: «А так тоже страшно?» Затем последовал еще один вопрос: «Ты диверсант?» Я сразу же различил этот говор — не местный, а явно российский. Пытаясь не терять самообладания, ответил: мол, какой же из меня, инвалида, диверсант? Тогда они пригрозили, что отвезут меня в Донецк и сдадут в плен. Бросили меня на заднее сиденье, сели в мою легковушку и, выставив в окна дула автоматов, тронулись. «А что это за сопки такие?» — спросил один с удивлением. Я объяснил, что это терриконы. «А что там написано на билборде?» — поинтересовался другой. Мне снова пришлось объяснять, что значит по-русски «Дякуємо за чисте узбіччя». Затем, общаясь между собой, они радовались, что «удедали» Шахтерск по-ручче, чем Чечню. Я всю дорогу тихо молился. Знал, что сейчас молят Бога за меня родные и друзья, ведь я долго не выходил на связь. И Господь нас услышал. Доехав к разрушенному донецкому автовокзалу, боевики отдали мне документы, машину, сто гривен, которые при задержании отобрали, и отпустили. Только телефон не вернули. А вот моему приятелю, который так же возил людей из зоны АТО, не повезло — он исчез... В общем, когда львовские знакомые узнали о едва не приключившемся со мной несчастье, они тут же пригласили меня к себе. Раньше я был во Львове, вместе с друзьями из паломнического центра отправлялся оттуда в путешествия по Европе. Думал, отсижусь в этом чудесном городе месяц-другой и тогда приеду домой. Увы, из-за войны пока вернуться не могу. — **Не чувствуете себя во Львове чужим?** — Наоборот. Безмерно благодарен монахам

греко-католического монастыря. Они предоставили мне комнату со всем необходимым: душем, холодильником, стиральной машиной. Мне кажется, что за время, проведенное во Львове, получил больше понимания и уважения от местных жителей, чем за всю свою сознательную жизнь в Донецке. Монахи даже помогли приобрести мне автомобиль «Рено». Сказали: даем тебе удочку, с помощью которой будешь ловить рыбу. Вот и ловлю. Уже немного изучил город. А так выручает навигатор.

Раньше я был очень привязан к Донецку, своей Макеевке. К родному уютному и просторному дому, который построили родители. Многие бытовые мелочи из-за болезни были мне недоступны. Не мог налить себе чашку чая, завязать шнурки, застегнуть пуговицы на рубашке, постричь ногти... За меня все делала мама. За год самостоятельной жизни научился многому. — **Водительское удостоверение трудно было получить?** — Медики поначалу говорили, что я не смогу водить машину. Однако я не сдавался, приглашал их покататься. В общем, мне, как говорится, потом и кровью пришлось доказывать, что я — аккуратный, внимательный водитель. Теперь раз в три года обновляю медицинские документы, которые позволяют управлять автомобилем. К слову, во Львове у меня уже есть постоянные клиенты, особенно среди таких же, как и я, вынужденных переселенцев — дончан и крымских татар. Бывает, звонят и среди ночи. Я всегда рад помочь людям. И, конечно, хоть немного заработать... Состоял на учете в центре занятости, но там никакой работы не предложили, несмотря на то, что у меня два высших образования — журналиста и психолога. Кроме того, на протяжении десяти лет я издавал молодежную христианскую газету. Тексты статей набирал на компьютере, так как писать ручкой не могу. — **В дороге никаких неприятных историй не случилось?** — Как и каждому водителю со стажем, и мне есть что вспомнить. Как-то один из донецких гаишников помог заменить пробитое колесо в моей машине, а уже на следующий день поймал меня на радар — я ехал с превышением скорости. Конечно, я признал свою вину, и страж закона ограничился замечанием. А в другой раз ночью на неосвещенном отрезке дороги наткнулся на штырь, который везла в тележке старушка. Суд решил, что я нанес ей ущерб на четыре тысячи гривен. Ущерб возместил. Из случившегося я вынес важный урок — ошибка на дороге может дорого стоить! — **На заднем стекле вашей машины красноречивая надпись с просьбой к окружающим помочь заработать инвалиду-таксисту на жизнь...** — Это моя сестра Наташа, которая с семьей сейчас переехала в Мариуполь, придумала такую надпись. Она сделана с улыбкой, с хорошими пожеланиями. Поэтому я и не стал перечить. Однако ни с кем не хотел бы меняться жизнью и принимать себя таким, каким создал меня Господь. А еще я ненавижу слово инвалид. Оно выбивает из колеи, напоминает о недуге, о котором хотелось бы забыть. Я ведь даже снял знак «инвалид» с машины — из-за него испытывал неловкость. Считаю, на дороге все водители, в том числе и люди с ограниченными возможностями, находятся в равных условиях. — **Похоже, пассажиров, которые садятся в вашу машину, совершенно не смущает ваша**

инвалидность... — Так именно пассажиры и распространяют номер моего телефона в социальных сетях, поэтому недостатка в клиентах я не испытываю. Общение с ними доставляет мне огромную радость. Один дедуля, которого подвозил, все воспитывал меня, несколько раз повторил: «*Ти забагато на себе береш!*» Запомнилась юная красotka, которая, опаздывая на свидание, все смотрелась в зеркальце и подкрашивалась. Как-то села землячка, которая добиралась домой, в Горловку, с заработков из Польши. Узнав, что я из Макеевки, она расплакалась... Часть заработанных денег я высылаю знакомым девушкам-волонтерам, которые выхаживают раненых бойцов АТО в столичном военном медицинском центре. И рад, что имею возможность внести свой скромный вклад в победу над врагом. Кстати, родители частенько приезжают ко мне в гости, но потом возвращаются в Макеевку, боятся, что дом разграбят. А еще, признаюсь, я мечтаю о крепкой и дружной семье. "Мне очень нравится общаться с пассажирами, — говорит Роман. — А они, в свою очередь, распространяют номер моего телефона в соцсетях, так что недостатка в клиентах я не испытываю" [26].

«За год работы волонтерская организация «Hand made по-львівськи» сделала для передовой 84 буржуйки, 782 медовика, почти тысячу маскировочных халатов и четыре тысячи десятилитровых упаковок сухого борща. Только в течение последней недели мастерицы приготовили 143 десятилитровые упаковки первых блюдов и 96 пятилитровых пакетов сладких каш. Тем, кто впервые едет во Львов, обязательно рекомендуют найти улочку, на которой стоит бронзовая фигура фон Захер-Мазоха. Сюрприз ждет того, кто осмелится засунуть руку в карман его брюк. Неудивительно, что за его спиной «образовался» небольшой ресторанчик, который тоже является своеобразной достопримечательностью. Но если войти в двери по соседству, подняться по скрипящим деревянным ступеням на второй этаж, то можно найти еще немало интересного. Здесь тоже готовят еду, но для бойцов, которые находятся на линии огня. — Мы долго не могли найти место для своей организации, — рассказывала по дороге одна из активисток волонтерского движения **Светлана Божко**. — Эту квартиру для нас нашел **Святослав Вакарчук**. Она оказалась в двух шагах от площади Рынок. Здесь в основном занимаются приготовлением и сбором еды для армии. Небольшой квадратный коридорчик сплошь заставлен мешками с овощами: луком, капустой, морковью. В комнате три женщины пенсионного возраста занимались тем, чем обычно пугали в армии: чистили картошку. Перед ними стояла огромная емкость, практически полностью заполненная клубнями. — Меня сюда направила племянница, — говорит одна из женщин. — Прихожу два раза в неделю. Главное — делать что-то полезное для бойцов. Насмотрись новостей, услышишь о гибели наших ребят, считаешь, как армию снабжают, и начинаешь думать: что же делать, как помочь? Когда узнала о том, что нужны руки чистить овощи и фрукты для сушки, тут же поняла: это занятие для меня. — А мой сын гордится тем, что я занялась волонтерством, — добавляет другая женщина почтенного возраста. — Можно услышать, что все уже устали от войны,

что ничего не меняется. Но для изменений нужно время. Надо верить и работать. Каждый день делать то, что зависит от тебя. На днях мы за этим столом целый день лепили вареники: с капустой, картошкой. Отваривали их, складывали в ведра и заливали маслом. Их еще горячими забрали бойцы, ехавшие на передовую. У нас получилось почти полтысячи штук. На следующий день звонили бойцы, которые находятся сейчас в районе Донецкого аэропорта, благодарили.

Одна стена комнаты оборудована стеллажами, полностью уставленными большими пластиковыми коробками с высушенными овощами. Возле окна стоят две сушилки — большая промышленная и обычная бытовая. Они включены и работают. Мимо меня пани Галя (на фото) пронесла кастрюлю с дымящимся картофелем. «Только его и отвариваем, все остальные ингредиенты просто сушим, — объясняет она. — Забросив содержимое пакета, который мы собираем из высушенных овощей, специй и трав, в кастрюлю с кипящей водой, достаточно всего пяти-семи минут, чтобы получить ароматный, практически домашний борщ». — Летом, когда еще не было свеклы, Оксана и Люда, главные разработчики меню, придумали «помідорову зупку» — помидорный супчик, — добавляет Светлана, которая, зайдя со мной и сняв пальто, тут же начала помогать чистить груши. — Сейчас сезон тыквы. Так мы делаем овсяную кашу с ней. Груши тоже высушим и добавим к овсяным хлопьям. Домашний завтрак будет готов. — А где вы берете овощи? — Все, что сейчас видите, мы собрали, проехав с рейдом по селам в минувшие выходные. В такие поездки берем с собой несколько пакетов готовой продукции. Так сказать, для наглядности. Одна женщина, увидев кашу с тыквой, молча ушла и вернулась с тачкой, заполненной огромными оранжевыми «гарбузами». Многие приносят консервацию, варенье, мед, орехи. Сейчас, после сбора урожая, с нами делятся вполне охотно. Мы собрали несколько тонн овощей. Все перерабатываем, ничего не пропадет. — На днях к нам зашел снайпер одного из подразделений — приехал в отпуск, — добавляет 56-летняя Виктория. — Благодарил за супы, узвары, каши, которые ребята постоянно от нас получают. Мы ему дали карпатский чай. Так он нам руки целовал: «Когда мы его завариваем, в блиндаже сразу домом пахнет». После таких слов благодарности хочется отдать все, что есть. Силы находятся и дальше работать. История этой женщины оказалась особенной. Она попала во Львов не по доброй воле. Муж Виктории военный. Служил в Германии, Белоруссии. Когда вышел на пенсию, семья осела в Крыму, в Феодосии. Здесь выросли дети. — Сын пошел по стопам отца: он морской пехотинец, служил в той самой феодосийской части, которую шустрмовали «зеленые человечки», — рассказывает Виктория, ни на минуту не переставая чистить груши. — После этого военных вывели. Правда, верными присяге осталась всего четвертая часть гарнизона. Сын ушел на украинскую территорию. Это было в марте. В апреле дочь сказала: «Мне такой Крым не нужен». И с мужем уехала во Львов, где им, дизайнерам, предложили работу. А мы с супругом оставались в Крыму аж до октября. Но это было невыносимо. Нас чуть ли не в открытую называли

родителями карателя. Атмосфера была настолько тягостной, что мы в один прекрасный момент собрались и уехали, оставив трехкомнатную квартиру, гараж. Забрали горшки с цветами и кошку. — Как вы занялись волонтерством? — Увидела в социальных сетях объявление, что нужно помочь плести маскировочную сетку. Пришла на площадь к памятнику короллю Даниле Галицкому, где каждые выходные представители «Hand made по-львівськи» проводят самые разные акции. Целый день поработала на улице. Мне предложили прийти домой к одной из волонтерш, чтобы продолжить работу. Меня поразила ее квартира, из окон которой виден памятник Ивану Франку. Высоченные потолки, старинный паркет. В туалете две колонны. А в центральной комнате стоит специальный каркас, натянута сетка, которую заплетают лоскутами ткани. Мне выдали швейную машинку — моя осталась в Феодосии. И я начала шить маскхалаты, дождевики, летом — банданы, панамы. Теперь в организации я курирую именно это направление. А по вторникам дежурю еще на кухне. — Пехотинцам в ту часть, где служит сын, тоже передаете супы, каши? — Конечно! Правда, сын наш фирменный борщ до сих пор так и не попробовал. Днем, когда его варят, он, как правило, в разъездах. Но что бы я ни чистила и ни резала, всегда думаю: делаю это и для своего сына тоже. — Скучаете по дому? — Не то слово. Мне так не хватает крымской природы. Я же работала экскурсоводом. Очень любила Феодосию, ее окрестности. С удовольствием возила группы по полуострову. Но и Львов мне нравится. За год даже выучила украинский язык. Несмотря на то что я родом из Черниговской области, всегда говорила по-русски. А сейчас почувствовала необходимость знать родной язык. В Крыму нас все время пугали татарами. И я даже побаивалась их. А надо было бояться братьев-россиян... Пока мы беседуем, одни женщины уходят, другие приходят. Виктория отвлекается, чтобы принять у пришедшей львовянки банки с маринованными помидорами и огурцами, объяснить, в какой помощи нуждается организация. Причем говорит по-украински. Без акцента, уверенно, еще раз подтверждая мысль: было бы желание, и тогда все возможно. — Знаете, я себя в Крыму не вижу, — возвращается к нашей беседе Виктория. — Не хочу быть рядом с людьми, которые там остались и всем довольны. Их устраивает болото. А мне в такой застойной воде нехорошо, воздуха не хватает. Нельзя сказать, что Виктория и ее муж без проблем устроились на новом месте. Им приходится сталкиваться с весьма неприятными моментами. — Редко кто готов связываться с людьми, в паспорте которых стоит крымская прописка, — вздыхает женщина. — Мы не можем продать машину, потому что она зарегистрирована на полуострове. Некоторые шарахаются от нас, как от чумных. А вот что касается оформления временных документов — претензий нет. В городской администрации нам сделали все быстро, без проволочек. Виктория очень переживает за сына, который после выхода из Крыма служит в зоне АТО. — Знаете, однажды в блиндаж, где жил мой сын и его бойцы, попал снаряд, — Виктория начинает плакать. — Один парень погиб на месте. Второго пытались спасти... А ведь боеприпас упал прямо на кровать моего сына.

Он за минуту до этого вышел. Не иначе как Господь его вывел из блиндажа. Теперь возле каждой церкви — хорошо, их во Львове много — произношу: «Дякую, Боже!» Есть за что благодарить. Волонтерская организация «Hand made по-львівськи» была создана 16 сентября 2014 года. За год она объединила десятки людей. И продолжает расширяться. — Мы стараемся вести учет всего, что сделали, пошили, передали на фронт, — говорит Светлана Божко. — Цифры вдохновляют нас самих. 84 буржуйки, 30 тысяч квадратных метров маскировочных сеток, 851 «кикимора», 971 маскировочный халат, более восьми тысяч балаклав. Связали 435 пар носков. Передали три тысячи 802 десятилитровые упаковки борща. Тысячу 97 пятилитровых пакетов каш. 644 упаковки карпатского чая. Испекли 782 медовика, две тысячи 142 маффина, более тысячи ста энергетических батончиков. И на этом не останавливаемся» [27].

«Миллионы жили сами по себе, ругали себе на кухне правителей, жили как маленькие атомы в своей "хате з края", которым никогда не стать целым. А потом произошла чудо. Нашлись волонтеры, которые решили, что ради европейского будущего надо идти под дубинки и строить Майдан — и это стало толчком, чтобы на путь борьбы стали миллионы. Потом другие волонтеры безоружным пошли под пули и устроили революцию. Потом третьи волонтеры пошли на войну под танки, чтобы защитить независимость страны. А еще одни волонтеры обеспечили их всем возможным. А еще одни волонтеры делали все, что можно в тылу, чтобы построить государство. Они говорили по-русски и по-украински, они имели разные политические взгляды, разные вкусы, разные судьбы. Но они одинаково не могли стерпеть ложь, подлость, равнодушные, трусость, неуважение к личности. И потому вслед за одним волонтером в строй становились тысячи других, чтобы продолжить его дело и поднять еще выше наш флаг. Волонтером может стать каждый — каждый, кто решил посвятить себя борьбе за новую страну, новую нацию, новую жизнь. Поступки волонтеров — невиданные, удивительные, потрясающие в наше циничное и меркантильное время разбудили сознание людей. Стало стыдно стоять в стороне от борьбы. Стало стыдно приспособливаться, а не бороться. Стало стыдно лгать. Стало стыдно молчать. Стало стыдно стоять без дела. Да, можно и нужно жить по-другому. И эти изменения происходят в людях каждый день, и изменения в украинском обществе просто колоссальные и необратимые. Мы изменяем себя — и мы обязательно изменим власть и государство, мы в начале пути. Волонтеры — это новая украинская элита, стать частью которой может в любой момент стать каждый из нас. Волонтеры — это не пристройка и не пиар-обслуга для власти или для партии. Волонтерство — это состояние души и совести. Волонтерский дух создал современную украинскую нацию. Украинский народ — это народ-волонтер» [29].

«Президент України Петро Порошенко підписав Закон України «Про внесення змін до деяких законів України щодо волонтерської діяльності». Як повідомляє прес-служба глави держави, закон

сприятиме розвитку волонтерського руху в Україні та підвищить якість надання волонтерської допомоги. Він тлумачить терміни «волонтер», «волонтерська діяльність», уточнює їхні права та обов'язки, пояснює особливості відшкодування витрат, пов'язаних з наданням волонтерської допомоги. Загалом — нічого страшного і антиволонтерського не містить. Це ліпше, ніж наміри уряду створити реєстр волонтерських організацій. І ліпше, ніж закон про оподаткування благодійної допомоги, у тому числі і для волонтерських об'єднань. Власне, активісти позитивно відгукуються про законодавчі зміни, кажуть, що мають бути затверджені правила гри, особливо зараз, коли з'явилося багато псевдоволонтерів та шахраїв. Тому у першу чергу закон від Президента сприймають як такий, що забезпечить громадські ініціативи від шахрайства. Ірина Онікієнко, волонтерка фонду «Підтримай армію України», розповіла, як самі на цьому ледь не облеклися: «Кілька місяців тому ми наштовхнулись на шахрайку, яка нас намагалась обдурити, і в результаті вийшла навіть на Міністерство оборони. Недавню її викрили. Вона ні перед ким не була відповідальною, гроші збирала. У нас вона взяла у борг речі, а вона вміє переконати, це були шоломи, досить недешеві. Обіцяла за три дні повернути гроші, і зникла, розказувала казки, що затримується доставка, коли підняли шум, виявилось, що ми не єдині такі. Вона працювала одна, ніякого фонду не мала. А в законі прописано, що волонтер не може займатись волонтерством окремо від фонду. Я це підтримую, якщо великі суми ідуть, то було б добре, якби якась організація несла за волонтерів, що ці гроші збирають, відповідальність. Інші аспекти — ми читали закон вголос, так і не розібрались, що він означає. Думаю, що він був прийнятий лише через появу шахраїв» [30].

Література

1. Левченко І. Волонтер Ольга Коник: "Первым делом солдаты спрашивают "наркотик" - сало со специями" // Факты. — 2015. — 20 мая. — С.14.
2. Левит А. Одесские волонтеры отправили в зону АТО первую партию «батончиков для разведчиков» // Факты. 2015. — 26 мая. — С. 10.
3. Рижков В. Від Пісків і Авдіївки до Волнової та Широкиного // День. — 2015. — 29-30 мая. — С. 7.
4. Шуткевич О. «Айдар», собака Бадді та заслужена нагорода // День. — 2015. — 29-30 мая. — С. 7.
5. Лиховид І. Жити, як раніше. Асоціація народних волонтерів готує соціальні ролики для адаптації військових. «День» цікавився особливостями творчого процесу // День. — 2015. — 12 серпня. — С. 9.
6. Бережнюк О. «Завжди залишайтеся людьми». Керівник капеланської служби ДУК «Правий сектор» розповів «Дню», про що священники розмовляють із солдатами перед боєм // День. — 2015. — 12 серпня. — С.9.
7. Собко О. «Не втрималась і зателефонувала...» Як українка в Італії стала волонтером АТО // День. — 2015. — 12 серпня. — С.9.
8. Бесперстова О. Волонтер Йонас Охман: "После начала боевых действий в Украине понял, что

настало мое время" //Факты. – 2015. – 13 авг. – С.5.

9. Гривінський Р. На межі двох світів. Чи змінилося ТБ після революції та початку війни? Погляд волонтерів //День. – 2015. – 21 серпня. – С.18.

10. Кожедубова Г. Харьковського волонтера, осужденного за якобы уклонение от мобилизации, освободили из-под стражи // Факты. – 2015. – 22 авг. – С.2.

11. Осипчук И. Волонтер Леся Борсук: "Наши рации спасли жизни бойцов целого подразделения во время боев за Саур-Могилу" // Факты. – 2015. – 3 сент. – С. 5.

12. Киртока В. "В спешке уезжая из Попасной, мы не смогли забрать вещи. На новом месте нам все дали люди" // Факты. – 2015. – 3 сент. – С.10.

13. Волошин А. Спрос на качественную литературу – есть. Это подтвердила волонтерская поездка активистов и меценатов с Библиотекой «Дня» на Луганщину //День. – 2015. – 28 авг. – С. 13.

14. Прокопенко М. «Ввічлива зброя». 61 військова частина РФ є у базі даних спільноти InformNaralM, волонтери якої унаочнюють присутність окупантів в Україні //День. – 2015. – 11-12 вересня. – С.21.

15. Груба О. Героям – память. Общественные активисты уже несколько месяцев ведут реестр погибших бойцов АТО //День. – 2015. – 11-12 вересня. – С.21.

16. Торба В. Про партію опору. Юрій КАСЬЯНОВ: «У нас поки що немає ні справжніх політиків, ні справжніх політичних сил» // День. – 2015. – 29 вересня. – С.5.

17. Бычковская Л. Незрячие супруги из Луцка: "До морозов нам нужно успеть подготовить для бойцов не менее ста пар рукавиц" //Факты. – 2015. – 13 окт. – С.12.

18. Бычковская Л. Петр Дячук: «Когда Вале звонят подружки, она по телефону задает вопросы, а я, выслушав ответы, записываю их для жены шрифтом Брайля» //Факты. – 2015. – 17 февр. – С. 12.

19. Копанева Е. Виктория Сорока: "Наша операционная машина после обстрелов была похожа на решето" // Факты. – 2015. – 13 окт. – С. 8.

20. Копанева Е. Константин Ходаковский: "Когда мне сказали, что президент меня помиловал, я сначала не поверил" // Факты. – 2015. – 17 окт. – С.8.

21. Киртока В. Мамука Мамулашвили: "Несколько раз российские военные водили нас с отцом на расстрел. Так они "шутили" // Факты. – 2015. – 19 сент. – С. 5.

22. Копровская И. Волонтер Наталья Шахун: "Может, война нужна для того, чтобы люди научились ценить жизнь, добро и милосердие?" //Факты. – 2015. – 19 сент. – С. 6.

23. Копанева Е. Переселенке из Углегорска и ее пятерым детям неизвестный благодетель подарил жилье в центре Киева // Факты. – 2015. – 23 окт. – С. 16.

24. Киртока В. Владимир Голоднюк: "В холле гостиницы "Украина" я чувствовал, как улетает душа сына..." // Факты. – 2015. – 21 окт. – С.8.

25. Музыка Л. Виктор Павлик: "Я выступал за полтора километра от передовой, с дороги были видны места расположения сепаратистов" // Факты. – 2015. – 21 сент. – С.10.

26. Комарницкая Т. Страдающий ДЦП переселенец из Макеевки стал во Львове одним из самых востребованных таксистов // Факты. – 2015. – 27 окт. – С.5.

27. Киртокак В. Волонтер из Львова: "Когда сушу овощи для ребят на передовой, думаю: делаю это и для сына" // Факты. – 2015. – 19 нояб. – С.12.

28. Цапленко А. Книга змін : оповідання / Андрій Цапленко ; перекл. з рос. Ж. Куяви; передм. Д. Комарова. – Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2015. – 256 с.

29. Бутусов Ю. "Народ-волонтер" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://censor.net.ua/resonance/363832/narod-volonter>.

30. Лиховид І. Захист від шахраїв. Президент підписав закон про волонтерський рух // День. – 2015. – 31 бер. – С.2.